

18+

Жан-Батист Кревье

**История
римских
императоров
от Августа
до Константина**

Том 8. Кризис III века

Жан-Батист Кревье

**История римских императоров
от Августа до Константина.
Том 8. Кризис III века**

«Издательские решения»

Кревые Ж.

История римских императоров от Августа до Константина. Том 8.
Кризис III века / Ж. Кревые — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-659134-9

Работа сочетает хронологический нарратив с анализом политики, культуры и морали, характерным для просветительской историографии. Том 8: Кризис III века: «солдатские императоры», вторжения варваров, экономический коллапс. Краткие правления и распад централизованной власти.

ISBN 978-5-00-659134-9

© Кревые Ж.
© Издательские решения

Содержание

Четыре правления, шесть императоров (продолжение)	6
Книга первая	6
§ III. Максим и Бальбин	6
§ IV. – Гордиан III	14
От Филиппа до Галлиена	22
Книга первая	22
§ I. Филипп	22
§ II. Деций	26
§ III. Галл	29
§ IV. Эмилиан	31
§ V. Валериан	32
§ VI. Галлиен	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

История римских императоров от Августа до Константина Том 8. Кризис III века

Жан-Батист Кревье

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Жан-Батист Кревье, 2025

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0065-9134-9 (т. 8)

ISBN 978-5-0065-8411-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Четыре правления, шесть императоров (продолжение)

Книга первая

§ III. Максим и Бальбин

Трон, никогда не бывший предметом зависти для слабых, вполне мог внушить ужас Максиму и Бальбину, когда они взошли на него. У ворот Италии они видели грозного врага, страшного как своей силой, так и жестокостью, против которого предстояло вести войну не на жизнь, а на смерть – без надежды на мир, без иного выбора, кроме как убить или погибнуть. В самом Риме – недисциплинированное войско, беспокойный народ, всегда готовый к мятежу. Добавьте к этому неизбежную ревность между двумя соправителями и противоположность характеров, усугубляющую противоречие интересов. Столь пагубное стечение обстоятельств предвещало им бедствия, которые вскоре и обрушились на них.

Исполнив первый долг, наложенный на них приличиями, – добившись от сената указа о причислении обоих Гордианов к лику богов, – а также назначив двух высших сановников: префекта города (им стал Сабин, по-видимому, тот самый, кто предложил избрать их императорами) и префекта претория (эту должность получил Пиндарий Валент, дядя Максима), – они разделили между собой государственные заботы. Максим, как более воинственный, взял на себя командование войсками против врага; Бальбин остался в городе, чтобы поддерживать порядок.

Какой бы неотложной ни была угроза со стороны Максимиана, римляне оставались столь преданными любителями зрелищ, что Максиму пришлось устроить для них перед отъездом театральные представления, скачки в цирке и бои гладиаторов. По поводу последних Капитолин сообщает любопытный анекдот, который не стоит упускать. Он утверждает, что существовал обычай, по которому императоры давали гладиаторские игры перед тем, как отправиться на войну. Историк приводит две причины этого обычая. Первая – суеверие: римляне верили, что пролитая в городе кровь умиливает злобных божеств, заранее давая им возмещение за кровь солдат, которую те пощадят. Вторая причина была менее нелепой: по словам цитируемого автора, этим хотели воодушевить воинов примером мужества гладиаторов и приучить их глаза к виду крови.

Как бы то ни было, независимо от мудрости этого обычая и его объяснений, едва Максим покинул Рим, как в городе вспыхнул страшный мятеж [1], поставивший его на грань гибели, – что ясно показало и дурные настроения умов, и неспособность Бальбина.

Максим оставил в Риме значительную часть преторианцев, главным образом старых солдат. Некоторые из них вместе с толпой простых граждан собрались у дверей сената, где как раз шло обсуждение государственных дел; двое или трое, движимые любопытством, даже проникли в зал заседаний и, чтобы лучше слышать, разместились у алтаря Победы. Они были в мирной одежде и без оружия, тогда как все сенаторы были вооружены – из-за тревожной обстановки, всеобщего волнения, охватившего город и всю империю; они каждую минуту ждали внезапной опасности и считали благоразумным принять меры предосторожности.

Галликан, лицо консульского звания, и Меценат, бывший претор, – люди горячие и порывистые, – заметив упомянутых солдат, заподозрили недоброе и с безрассудной жестокостью набросились на них с кинжалами, которые выхватили из-под тог, и сразили насмерть у подножия алтаря Победы. Остальные преторианцы, испуганные гибелью товарищей и не имея при себе оружия для защиты, бросились бежать к своему лагерю. Галликан вышел из курии с окро-

вавленным кинжалом в руке, крича, что только что убил двух шпионов Максима; он обвинил всех преторианцев в измене и призвал народ преследовать их. Его призыв был услышан слишком хорошо: преторианцы, гонимые огромной толпой, нашли спасение лишь в своем лагере, где заперлись и приготовились к обороне.

Безумная дерзость Галликана на этом не остановилась. Он все больше распалял чернь и убеждал её штурмовать лагерь. Для этого он велел открыть арсеналы и вооружил народ; многие схватили первое попавшееся оружие; к толпе присоединились гладиаторы, содержащиеся в школах для тренировок. И тогда Галликан во главе этого беспорядочного и буйного собрания повел штурм на лагерь преторианцев.

Те, будучи хорошо вооружены и обучены всем военным упражнениям, не имели труда сделать подобную атаку бесполезной. В конце концов народ устал, и к вечеру каждый подумал о возвращении домой. Преторианцы, увидев, что их противники повернули спину и шли небрежно, как будто им нечего было [Р] бояться, вышли на них, учинили великую резню и затем вернулись в свой лагерь, от которого они позаботились не отходить слишком далеко.

С этого момента в Риме началась гражданская война. Сенат встал на сторону народа и приказал провести набор войск. Преторианцы со своей стороны, хотя их было мало по сравнению с бесчисленной толпой, защищались со всем преимуществом, которое давали им их военный опыт и хорошо укрепленная позиция: и народ так и не смог пробить брешь в их лагере.

Мне кажется удивительным, что в столь ужасном движении не упоминается ни префект города, ни префект преторианских когорт. Возможно, мы должны винить в этом небрежность историков. Сам Бальбин здесь не выглядит достойно. Запертый в своём дворце, он издавал эдикты, призывая народ к миру; он обещал амнистию солдатам, которые, однако, не казались самыми виновными, и ни одна из сторон его не слушала: их взаимная ярость разгоралась из-за препятствий.

Вожди народа придумали способ сломить упорство преторианцев и перерезали каналы, поставлявшие воду в их лагерь. Преторианцы, в отчаянии, совершили вылазку; завязался бой, долгое время остававшийся нерешённым, но в итоге народ потерпел поражение и обратился в бегство. Победители преследовали их, вонзая мечи в спины, и ворвались в город: но там на них обрушился град камней и черепицы, которые бросали с крыш домов. Они не замедлили поджечь их. Пожар стал яростным: он уничтожил целый квартал, превосходивший размерами и богатством величайшие и самые процветающие города империи.

Кажется, что сила бедствия заставила Бальбина выйти из бездействия. Он появился, желая использовать свою власть для усмирения беспорядков. Его презрели, и он даже был ранен – одни говорят, камнем, брошенным в него, другие – ударом дубины. Единственным средством оказалось показать мятежникам юного Цезаря Гордиана, которого оба партии одинаково обожали. Имя, которое он носил, и почтение к памяти его деда и дяди делали его бесконечно дорогим и народу, и солдатам. Его вынесли на плечах человека самого высокого роста, и как только он появился в императорской пурпуре, страсти утихли, и смятение прекратилось.

Таким образом, сенат наслаждался некоторым спокойствием и мог полностью посвятить себя заботам о войне, для которой были приняты самые разумные меры. Нужно было предотвратить вступление Максимиана в Италию. Сенат отправил во все города, которые могли оказаться на его пути, знатных людей, имевших опыт в военном деле, и дал им полномочия восстанавливать укрепления, набирать войска, короче говоря, делать всё необходимое для приведения своих мест в оборонительное состояние. Он приказал оставить все незащищённые места, а жителям удалиться в города со своим зерном, скотом и всем имуществом, чтобы даже если враг проникнет в страну, он не нашёл ничего для пропитания своей армии. Во все провинции были разосланы запреты поставлять Максимиану какие-либо припасы – будь то военные или продовольственные – под угрозой объявления врагом народа любого, кто окажет ему помощь. Наконец, предосторожности зашли так далеко, что были выставлены охраны во всех

портах и гаванях Италии, а все большие дороги и даже проселочные были перекрыты баррикадами, чтобы ничто не могло пройти без досмотра, и чтобы враг народа не получал ни вестей, ни помощи каким бы то ни было путём. Максим, который должен был руководить исполнением этих различных приказов, отправился в Равенну, чтобы быть ближе к врагу, приближавшемуся через Паннонские Альпы.

Максимин не проявлял особой поспешности. Ибо Гордианы были провозглашены императорами в Африке в мае 237 года от Р. Х., а его армия достигла границ Италии лишь в начале весны 238 года. Я уже упоминал главную причину этого промедления – а именно холодность, которую Максимин встретил в своих войсках к своим интересам. Ему потребовалось время, чтобы разжечь в их сердцах рвение, угасшее из-за его дурного поведения. Мы можем добавить, что решение вторгнуться в Италию с оружием было принято в результате внезапного и непредвиденного движения, и подготовка к такой операции неизбежно затянулась. Достоверно то, что эту задержку нельзя приписать характеру Максимиана, который доводил активность до иступления и ярости.

Узнав о смерти Гордианов, он [Максимин] возымел некоторую надежду на добровольную покорность тех, кого называл мятежниками; но избрание императорами Максима и Бальбина доказало ему, что ненависть сената непримирима и что только сила оружия может смирить столь озлобленные сердца. Поэтому остаток года он употребил на грозные приготовления; и вот как он организовал свой поход, когда приблизился к Италии в указанное мною время.

Он шел из Сирмия; и когда оказался близ Эмоны [2], последнего города Паннонии у подножия Альп, то, принеся жертвы богам-покровителям страны, дабы они благословили его вступление в Италию, выстроил авангард из своих легионов, сформированных в квадратные батальоны, которые, однако, имели больше глубины, чем ширины. За ними следовал обоз. Сам он замыкал шествие с преторианской гвардией. На фланги он выдвинул всю свою конницу, частью закованную в железо, частью состоявшую из германцев; а также все легкие войска – мавританских метальщиков, орхоенских лучников. В таком порядке он прибыл в Эмону, строго соблюдая дисциплину на марше, дабы снискать расположение народа.

Его разведчики, шедшие впереди армии, донесли, что город Эмона покинут и в нем нет ни единого жителя: сначала это обрадовало его, ибо он подумал, что один лишь страх перед его оружием гонит врагов в бегство и с такой же легкостью отдаст ему все города Италии. Но когда он узнал, что это отступление произошло не в спешке и беспорядке, что в нем явно был расчет, что жители, уходя, забрали все свои богатства и припасы, а что не смогли унести – сожгли, так что в этом городе и окрестных землях он не найдет никаких средств к существованию ни для людей, ни для животных, его настроение переменилось; и даже его войска начали роптать, ибо, питая надежды, что Италия обеспечит их продовольствием в изобилии, они уже на первых подступах столкнулись с его нехваткой. Желая, в соответствии со своим нравом, подавить непокорность и мятеж солдат суровыми мерами, он лишь добился того, что они возненавидели его.

Он пересек Альпы, не встретив ни одного врага, который оспорил бы у него перевал, и воспринял это как доброе предзнаменование. Он вновь поверил, что народы Италии, не пользовавшиеся преимуществами, которые давали им горные теснины, и не думают ему сопротивляться. Но вести из Аквилеи развеяли его заблуждение. Он узнал, что этот город, первый на его пути в Италии, закрыл ворота и показал готовность к упорной обороне; что паннонские войска, шедшие во главе его армии и пользовавшиеся его особым доверием, поскольку они первыми провозгласили его императором и всегда отличались рвением на его службе, приблизившись к городским стенам, обнаружили их усеянными вооруженными людьми и, попытавшись штурмовать город, были отбиты с потерями. Максимин, убежденный, что все должно склониться перед ним, приписал неудачу паннонцев их нерадивости и слабости и не сомне-

вался, что город сдастся, как только он сам появится под его стенами с армией. Но и в этом он ошибался, как показали дальнейшие события.

Действительно, сенат избрал Аквилею своим опорным пунктом в войне против Максимиана. Это был тогда многолюдный, богатый и процветающий благодаря торговле между Италией и Иллирией город, находившийся в их центре. Укрепления, некогда тщательно поддерживаемые, за несколько веков мира пришли в сильное запустение. Сенат велел их восстановить; в городе разместили сильный гарнизон, командование которым поручили двум консулам – Менофилу и Криспину, людям достойным и рассудительным. Менофил три года с честью командовал войсками в Мезии при Александре; а Криспин, чьей прямой обязанностью, по-видимому, было управление внутренними делами города, отличался мягкостью, достоинством и даром красноречия. Эти два правителя крайне старательно снабдили город припасами, и к моменту прибытия Максимиана там всего было в изобилии.

Узнав о положении дел, этот государь понял, что Аквилея не станет для него легкой добычей; и, гордец, каким он был, счел уместным попытаться уговорить защитников, прежде чем прибегать к силе. В его армии был трибун, уроженец самого города, вся семья которого теперь находилась за его стенами. Этот офицер, казавшийся ему подходящим, чтобы быть услышанным согражданами, подошел от его имени к стенам с несколькими центурионами и оттуда призвал жителей вернуться к долгу и покорности перед законным государем, с одной стороны, описывая ужасные бедствия, которым они себя подвергают, а с другой – обещая им прощение, в которое им тем легче было бы поверить, что они его заслуживали, ибо вина их заключалась лишь в том, что они позволили себя обмануть уловкам зачинщиков мятежа. Народ, толпившийся на стенах, не отказался слушать слова трибуна: сама мысль о мире всегда льстит. Но Криспин поспешил и разрушил одно впечатление другим. Он напомнил жителям об их обязательствах перед сенатом и римским народом; предостерег их от веры обещаниям жестокого и коварного тирана; указал им на славу, которую они стяжают, став спасителями Италии; заверил их в победе, предначиненной как внутренностями жертвенных животных, так и пророчествами их бога Аполлона Белена. Этот бог, которого мы уже упоминали ранее [3] как один из объектов религиозного почитания древних галлов, пользовался особым культом в Аквилее; и во время описываемых событий многие из осаждавших после неудачи своего предприятия утверждали, что видели его в небесах сражающимся за город – «было ли это видение истинным, – замечает Геродиан, – или же те, кто о нем рассказывал, выдумали его, чтобы прикрыть свой позор». Увещания Криспина возымели действие; и Максимиан окончательно убедился в необходимости вести правильную осаду города.

Река Лизонцо задержала его на три дня. Собственно говоря, это всего лишь горный поток; но теперь, разбухший от талых снегов, он стремительно нес свои бурные воды; а красивый каменный мост, построенный здесь в древности императорами, был только что разрушен жителями Аквилеи, находившейся всего в четырех или пяти лье [примечание: 1 лье ≈ 4,5 км]. Переправиться через эту реку без моста для армии было невозможно; несколько германских всадников, попытавшихся сделать это вплавь, так как в своей стране они привыкли переправляться через самые большие реки, были унесены стремительным течением и погибли вместе с лошадьми. Максимиан, не имевший лодок, вынужден был соорудить мост из связанных между собой бочек, покрытых хворостом и землей; и вся его армия перешла по этому мосту.

Подойдя к городу, Максимиан сначала сжег и разорил предместья, хорошо украшенные, застроенные добротными домами и полные садов, которые жители, по естественной привязанности к своей собственности, пощадили. Враги вырвали виноградные лозы, срубили деревья и использовали их, как и дерево из разрушенных домов, для постройки осадных машин.

После дня отдыха они начали яростные атаки. Осажденные встретили их стойко и оказали такое же упорное сопротивление. В городе все стали солдатами. Даже женщины отдавали свои волосы для изготовления метательных машин. Они широко использовали в своей защите

кипящую смолу и вар, которые выли на атакующих целыми бочками. Произошло несколько схваток, в которых войска Максимина понесли большие потери, так и не сумев пробить брешь в стене. Успех придавал осажденным мужества, тогда как осаждающие, обескураженные бесплодностью своих усилий, теряли веру в дело, ненавидимое всей империей и не приносящее удачи. К этому добавилась крайняя нехватка провизии, так как они не получали подвоза из всей страны перед ними и имели сообщение только с Паннонией, которую уже опустошили; между тем город, обильно снабженный, без труда кормил своих жителей, так что армия Максимина казалась скорее осажденной, чем осаждающей. Жестокость князя довершила недовольство и отчаяние солдат. Этот варвар, привыкший всегда побеждать, приходил в ярость при виде сопротивления, которое не мог сломить. Его еще больше раздражали оскорбления, которыми осажденные осыпали его и его сына. Ненависть к нему превратилась в презрение, как только они перестали его бояться; и когда он приближался к стенам, они осыпали его самыми язвительными и оскорбительными упреками. Максимин, вне себя от ярости, терял самообладание. Он изливал свой гнев на войска, обвиняя их в трусости и малодушии; казнил офицеров смертью и позором. Так, ненавидимый всем миром, он еще позаботился о том, чтобы вызвать ненависть у тех, кто был его единственной опорой и защитой.

Наиболее склонны к бунту оказались преторианцы, чьи жены и дети находились в Риме. Они подстрекали друг друга, делясь жалобами на тяготы долгой и кровопролитной осады, конца которой не было видно; на горькую необходимость воевать против Италии ради тирана, ненавидимого богами и людьми. От жалоб они легко перешли к решению избавиться от Максимина: оставалось лишь найти подходящий момент. Они воспользовались днем, предоставленным войскам для отдыха; и пока остальные солдаты, рассеянные по лагерю или спокойно отдыхающие в палатках, думали только об отдыхе, преторианцы в полном вооружении направились к императорской палатке в полдень. Те, кто в тот момент нес караул, без колебаний присоединились к своим товарищам, и они сорвали со своих знамен изображения того, кого больше не признавали императором. Максимин, услышав шум, вышел к ним, пытаясь внушить им страх своим бесстрашием. Они не стали слушать его речей, убили его вместе с сыном и, отрубив им головы, оставили тела на растерзание стервятникам и хищным зверям. Так Максимин искупил убийство Александра, своего господина и благодетеля, катастрофой, в точности похожей на ту, которую устроил ему. Его префект претория Анулин и те, кто считались его ближайшими друзьями, были убиты вместе с ним. Г-н де Тиллемон относит это событие к концу марта 238 года от Р. Х. Максимино было около пятидесяти пяти лет.

Его сын, который был Цезарем, как мы уже говорили, и даже, по мнению некоторых, Августом, имел всего двадцать один год; молодой принц, увлеченный несчастьем своего отца, и от которого история сохранила лишь воспоминание о его красивой внешности. Друзья Гордианов крайне порицали его нравы; но их свидетельство подозрительно. Капитолин упрекает его в тщательной заботе о том, чтобы подчеркнуть нарядом блеск своей привлекательности. Он также обвиняет его в гордости и высокомерии. Говорит, что в то время как Максимин-отец, несмотря на свою варварскую надменность, тем не менее вставал, чтобы оказать почтение знатым лицам, приближавшимся к нему, сын оставался сидеть и даже доходил до такой наглости, что часто заставлял целовать себе ноги. В другом месте тот же писатель, напротив, сожалеет о судьбе молодого Максимина, как недостойной доброты его характера; и он ссылается на автора, который писал, что римляне были почти так же опечалены его трагическим концом, как они радовались смерти его отца. Видно, что достоверные сведения о Максимино-младшем сводятся к очень немногому.

Правление Максимина длилось три года и несколько дней, вплоть до его смерти. Я уже говорил, что ненависть, которую он питал к памяти Александра, побудила его преследовать христиан, которых тот император покровительствовал. Это гонение касалось только епископов и священников; и Орозий [4] утверждает, что Максимин лично желал смерти Оригену,

который, однако, избежал его ярости и пережил его. В этом же гонении были разрушены христианские церкви; и г-н де Тиллемон замечает, что это самое древнее прямое свидетельство о зданиях, публично посвященных христианами для богослужения и известных язычникам как таковые. Мы видели связанный с этим эпизод в правление Александра Севера; и, возможно, именно покровительство этого императора дало христианам возможность смело строить церкви вместо тайных молелен, которые они прежде устраивали внутри домов.

Смерть Максимиана сначала вызвала некоторое смятение в армии. Паннонцы, фракийцы и другие отряды варварских войск, которые в основном способствовали его возвышению, сохраняли к нему привязанность и скорбели о нем. Но в конце концов его не стало: большинство одобряло его смерть и радовалось ей. Слабейшим пришлось уступить и подчиниться общему решению. Максиминов больше не называли иначе как тиранами: останки их тел были брошены в реку, а их головы отправлены к Максиму, находившемуся в Равенне.

Тогда вся армия единодушно предстала перед стенами Аквилеи, уже не как враги, но без оружия и с мирными намерениями, объявляя о смерти Максимиана и требуя, чтобы городские ворота были открыты и чтобы тех, кто перестал быть врагами, больше не считали таковыми. Начальники города не спешили верить этим словам. Они проявили разумное недоверие и начали с того, что предложили армии воздать почести изображениям двух Августов – Максима и Бальбина – и Гордиана Цезаря. Армия без возражений принесла им дань уважения как своим законным правителям, и между городом и лагерем был восстановлен мир, но не полная свобода торговли. Ворота Аквилеи оставались закрытыми: только со стен доставляли офицерам и солдатам провизию и все необходимое для подкрепления сил. И они поняли как никогда, насколько долгой и неопределенной по успеху была бы для них осада столь хорошо снабженного города. Дела оставались в этом промежуточном состоянии, сохранявшем следы разногласий, пока не были получены приказы от Максима.

Этот император, как я уже говорил, находился в Равенне, занятый сбором сил для войны, которую, по его словам, ему предстояло вести не против человека, а против циклопа. Вся цветущая молодежь Италии стекалась к нему; и он получил значительную помощь из Германии, которой некогда управлял справедливо и мудро и которая, помня об этом, горячо стремилась поддержать его как императора. Его план состоял в том, чтобы позволить Максиминому истощить себя осадой Аквилеи, которая, как он знал, могла долго держаться, а затем, когда наступит момент, с легкими и свежими войсками напасть на уменьшившуюся числом и изнуренную тяготами армию.

Пока он готовил все для этого замысла, не без некоторого беспокойства о его успехе, прибыли всадники, доставившие ему головы обоих Максиминов. Можно представить, какова была радость от столь неожиданной победы, для которой ему даже не пришлось обнажать меч. Он немедленно принес богам благодарственные жертвы, и весть, мгновенно разнесшаяся по всей Равенне, заставила все алтари дымиться от крови жертв. Максим, отправив головы Максиминов в Рим теми же всадниками, которые привезли их ему, сам отправился в Аквилею.

При его приближении ворота открылись, и всякие признаки осады и войны исчезли. Нельзя сомневаться, что он похвалил и наградил верность и усердие жителей этого города, который был оплотом Италии и империи. Там он принял посольства из всех соседних городов, приславших своих магистратов в белых одеждах, увенчанных лаврами, с изображениями своих богов и всеми самыми драгоценными украшениями из храмов. Армия, осаждавшая Аквилею, также предстала перед ним, выстроенная в порядке и с ветвями лавра. Она признала его с согласия, казавшегося единодушным; но в умах уже произошли перемены. Пробуждалась ревность к правам войска; и многие солдаты в глубине души таили досаду на то, что император, обязанный им своим возвышением, был заменен преемниками, избранными сенатом.

Максим не был невеждой в этих настроениях и построил свою речь к ним на третий день после своего прибытия, учитывая их. Он собрал их на равнине и, взойдя на трибуну, сначала

поздравил их с тем, что они вернулись к долгу и возобновили клятвенные обязательства, связывающие их с законными императорами. Он указал им, что сенат и народ воспользовались своим правом, назначив правителей империи. «Ибо, – добавил он, – империя не есть владение одного. Она принадлежит совместно сенату и народу, если вспомнить самые истоки: в городе Риме пребывает общественное благо, а мы делегированы, чтобы управлять делами государства с вашей помощью. Соблюдение доброй дисциплины и почтительное повиновение с вашей стороны тем, кто облечен командованием, обеспечат вам выгодные условия и счастливый покой во всей вселенной». Максим закончил свою речь, рассеяв все их опасения насчет прошлого, искренне пообещав амнистию и объявив, что день, в который он к ним обращался, должен считаться ими началом союза и залогом вечной доброжелательности и единства. Чтобы укрепить это единство, он добавил к нему тогда необходимую для солдат приманку, пообещав им великолепную раздачу денег.

Затем он принял мудрую меру, распустив эту армию. Он отправил легионы и другие войска в их гарнизоны и в провинции, откуда их вывели Максимин и Александр, и взял с собой в Рим только преторианцев, новых рекрутов, набранных Бальбином, и германцев, в преданности которых был полностью уверен.

В Риме все ликовали. Невозможно передать тот восторг, который вызвала весть о смерти Максиминов. Гонец, который проделал путь от Аквилеи всего за четыре дня, прибыл в то время, когда Бальбин вместе с юным Цезарем Гордианом присутствовал на играх, которые не прервались даже перед лицом столь близкой и грозной войны. Как только собравшиеся узнали, что привез гонец, зрелище было прервано. Поглощенные одной мыслью, сенаторы направились к месту своих заседаний, а народ устремился на форум. В сенате не умолкали ликующие возгласы и аплодисменты, перемежавшиеся яростными проклятиями в адрес памяти Максиминов. Императорам были назначены триумфальные статуи, а богам – торжественные благодарственные молебны. Народ опередил это постановление, поспешив заполнить все храмы. Туда стекались люди всех возрастов и обоих полов. Граждане в каком-то экстазе повторяли друг другу добрую весть, поздравляли друг друга, обнимались. Радость была всеобщей и безмерной. Но никто не ощущал её острее, чем Бальбин, от природы робкий, до сих пор охваченный таким страхом, что не мог слышать имя Максимина без содрогания. Тогда в сопровождении магистратов и всего сената он принёс гекатомбу [жертву из ста быков]; и усердие частных лиц было не менее велико. Каждый, чувствуя себя избавленным от занесённого над ним топора, угрожавшего его личности и жизни, стремился выразить свою благодарность богам жертвоприношениями.

Всеобщая радость возобновилась при виде голов Максиминов, доставленных в Рим всадниками, которые преподнесли их Максиму. Их выставили на обозрение и пронесли на пиках по всем улицам Рима; а толпа, в упоении от радости, оскорбляла их, издевалась над ними тысячей способов и в конце концов сожгла их на Марсовом поле.

Возвращение Максима в Рим стало подлинным триумфом. Ещё в Аквилею к нему была отправлена торжественная делегация из двадцати сенаторов – четверо консуляров, восемь бывших преторов и восемь бывших квесторов – чтобы поздравить его. Когда же он вернулся и приблизился к стенам столицы, Бальбин, его коллега, юный Цезарь, весь сенат и бесчисленная толпа народа вышли ему навстречу. Его встречали как освободителя, как спасителя. Хотя война была закончена без его участия, честь победы приписывали именно ему: и в самом деле, разумные распоряжения, которые он отдал, чтобы остановить и сделать тщетными усилия Максимина, стали её главной причиной.

В то время как все сословия ликовали, лишь солдаты казались печальными и недовольными. Ни речи Максима, ни дарованная и гарантированная амнистия, ни обещанные щедрые дары – ничто не могло утешить их от необходимости подчиняться императорам, которых они не избирали: а сенат усугубил это недовольство своими неосторожными возгласами. Среди

аплодисментов, которыми сенаторы осыпали Максима и Бальбина, сравнивая их судьбу с судьбой Максимиана, они воскликнули: «Так торжествуют императоры, избранные мудрым выбором! Так погибают те, кто возвысился благодаря благосклонности безрассудной толпы!» Солдаты без труда поняли, что этот упрек адресован непосредственно им, и возмущение, которое они испытали, вскоре привело к самым печальным последствиям.

В течение краткого затишья, которым пользовались два императора, они дали благоприятное представление о своём правлении. Они выказывали глубокое уважение к сенату, лично вершили правосудие, издавали мудрые постановления, со всей бдительностью и активностью готовились к войне, которую намеревались вести против персов, с одной стороны, и против германских или скифских народов – с другой. Максим должен был выступить на Восток, а Бальбин – на Север.

Тем не менее, за этой внешне безупречной деятельностью скрывалось пагубное и почти неизбежное зло – разлад между двумя соправителями, разделившими верховную власть. Казалось, они во всём действовали заодно, но в глубине души их разъедала зависть. Бальбин был уязвлён похвалами, которые достались Максиму за победу, одержанную, как он говорил, «без единого удара меча», в то время как он сам перенёс столько тягот и подвергался стольким опасностям, чтобы подавить мятеж, грозивший Риму гибелью. Кроме того, он презирал своего коллегу как человека менее знатного происхождения; а Максим, со своей стороны, пользовался преимуществом своего превосходства в военном деле и высмеивал робкую слабость Бальбина. Они смотрели друг на друга почти как соперники, и каждый, втайне стремясь стать единоличным правителем, угадывал в другом те же мысли, что таились в нём самом. Эти разногласия не проявлялись открыто, но просачивались явные признаки, которые огорчали добропорядочных граждан и вселяли в преторианцев надежду и уверенность в успехе их чёрного замысла против императоров.

Ибо это войско, всегда враждебное мудрости и добродетели своих повелителей, только и ждало момента, чтобы убить Максима и Бальбина. К уже названным мотивам ненависти добавлялись страх и недоверие. Они помнили, что Север, мстя за смерть Пертинакса, распустил весь преторианский корпус. Они опасались такого же обращения со стороны нынешних императоров; а германцы, которых Максим привёл с собой и которые, как я уже говорил, были к нему особенно привязаны, казались им готовыми преемниками, которые их заменят.

Примечание: Гекатомба – у древних греков и римлян торжественное жертвоприношение из ста быков или других животных. В переносном смысле – огромные жертвы, приносимые ради чего-либо.

Марсово поле (лат. *Campus Martius*) – равнина в Риме, посвящённая богу войны Марсу, где проходили военные учения, народные собрания и различные церемонии.

Консуляры, преторы, квесторы – высшие должностные лица в Древнем Риме. Консуляры – бывшие консулы, занимавшие высшую государственную должность; преторы – судебные магистраты; квесторы – финансовые чиновники.

Преторианцы – личная охрана императора, обладавшая значительным политическим влиянием и нередко участвовавшая в заговорах и убийствах правителей.

Они нашли удобный случай для осуществления своих замыслов во время Капитолийских игр [лат. *ludi Capitolini*], которые привлекали весь город, так что императоры оставались почти одни во дворце. Преторианцы взбунтовались и, вооружившись, двинулись совершить свое ужасное злодеяние. Максим был предупрежден об опасности и вызвал своих верных германцев. Если бы он успел собрать их вокруг себя, то легко мог бы отразить ярость убийц. Но Бальбин, по непонятному и пагубному ослеплению, отдал противоположные приказы, вообразив, что Максим намерен использовать германцев, чтобы единолично захватить верховную власть и избавиться от неугодного соправителя. Он не извлек из этих неуместных подозрений иной пользы, кроме собственной гибели и гибели Максима.

Преторианцы, не встретив никакого сопротивления, ворвались во дворец и завладели особами обоих императоров. Им было мало лишить их жизни: их ярость дошла до того, что они пожелали опозорить и надругаться над столь достойными государями, почтенными по своему высочайшему сану, возрасту и добродетелям. Они обнажили их, поволокли по улицам Рима к своему лагерю, били по лицу, вырывали брови и волосы из бороды, тысячекратно смешивая насмешку с жестокостью, и с варварским удовольствием продлевали их мучения, глумясь над их императорским достоинством, дарованным сенатом. Наконец, узнав, что германцы спешат на защиту императоров, они прекратили их мучения, лишив жизни, и, изрубив тела, бросили их на улице, после чего вернулись в лагерь.

Германцы, чье рвение, видимо, не было особенно горячим, увидев, что те, кого они собирались спасти, уже мертвы, не сочли нужным сражаться за трупы, и спокойно удалились.

Такова была печальная участь двух императоров, которые своими различными талантами могли бы восстановить славу и величие Рима, если бы солдатская ярость позволила им это. Это событие столь ужасно, что даже в истории самых варварских народов не найти ничего более чудовищного. Горький, но неизбежный плод слабости и потворства, которыми правительство цезарей взращивало наглость войск.

Максим предвидел этот печальный конец с самого момента своего возведения на престол.

– Какой награды можем мы ожидать, – сказал он Бальбину, – если избавим человечество от чудовища, его угнетающего?

Бальбин ответил:

– Мы можем рассчитывать на признательность и любовь сената, римского народа и даже всего мира.

– Добавьте, – возразил Максим, – и на ненависть солдат, которая станет для нас роковой.

Его предсказание, как и слова Бальбина, сбылись в точности, ибо они погибли, искренне оплакиваемые. Сенат всегда их высоко ценил, Бальбин был любим народом, а сам Максим сумел завоевать расположение простых граждан, которые, хотя сначала, как мы видели, были встревожены его суровостью, затем смягчились, оценив важность оказанных им услуг и умеренность его правления.

Бальбин оставил потомство, которое процветало еще во времена Диоклетиана. История не упоминает о потомках Максима. Он положил начало величию своего дома, и с ним же этот дом пресекался.

Г-н де Тиллемон относит смерть этих двух императоров к 15 июля 238 года от Р. Х. Они правили немногим более года.

Примечания:

[1] Капитолин противоречит сам себе, и его различные рассказы об этом восстании полны путаницы. Я буду в основном следовать Геродиану. Капитолийские игры (лат. *ludi Capitolini*) – древнеримские празднества в честь Юпитера Капитолийского.

[2] Лаубах в Крайне. Преторианцы – императорская гвардия, нередко игравшая решающую роль в дворцовых переворотах.

[3] См. «Римскую историю», т. X, стр. 100. Германцы – здесь, вероятно, германские наемники или телохранители императора.

[4] ОРОЗИЙ, VII, 19. Г-н де Тиллемон – Луи-Себастьян Ле Нэн де Тиллемон (1637—1698), французский историк, автор трудов по истории Римской империи и раннего христианства.

§ IV. – Гордиан III

ХРОНИКА ПРАВЛЕНИЯ ГОРДИАНА III.

АННИЙ ПИЙ ИЛИ УЛЬПИЙ. – ПОНТИАН.

ГОД Р. 989. ОТ Р. Х. 238.

Гордиан, тринадцатилетний, провозглашён Августом солдатами и признан сенатом и народом.

Сначала им управляют евнухи и алльные, коварные министры, злоупотребляющие своей властью.

М. АНТОНИЙ ГОРДИАН АВГУСТ. – АВИОЛА.

ГОД Р. 990. ОТ Р. Х. 239.

..... САБИАН. – ВЕНУСТ.

ГОД Р. 991. ОТ Р. Х. 240.

Мятеж Сабиниана в Африке, быстро подавленный.

М. АНТОНИЙ ГОРДИАН АВГУСТ II. – ПОМПЕЯН.

ГОД Р. 992. ОТ Р. Х. 241.

Сапор, сын Артаксеркса, царя парфян, нападает на Римскую империю.

Гордиан женится на дочери Миссифея и назначает его префектом претория. С этого момента государство реформируется благодаря мудрому управлению Миссифея.

Землетрясение.

Первое упоминание франков в истории.

К. ВЕТТИЙ АВФИДИЙ АТТИК. – К. АЗИНИЙ ПРЕТЕКСТАТ.

ГОД Р. 993. ОТ Р. Х. 242.

Гордиан отправляется из Рима на войну с персами.

Он проходит через Мезию и Фракию, разбивает варваров, вероятно, сарматов и готов, рассеянных в этих землях, но терпит поражение от аланов.

Прибыв в Сирию, он изгоняет персов, преследует их в Месопотамии, разбивает Сапора под Ресенной, возвращает Карры и Нисибис.

Сенат присуждает Гордиану триумф: особые почести воздаются Миссифею.

..... АРРИАН. – ПАП.

ГОД Р. 994. ОТ Р. Х. 243.

Часть событий, отнесённых к предыдущему году, может относиться к этому.

Смерть Миссифея, ускоренная преступлением Филиппа, который сменил его на посту префекта претория.

Говорили, что Филипп был христианином, но это не доказано.

..... ПЕРЕГРИН. – ЭМИЛИАН.

ГОД Р. 995. ОТ Р. Х. 244.

Аргунт, царь скифов, опустошает соседние земли.

Филипп своими коварными действиями настраивает солдат против Гордиана, лишает его жизни в Заифе (Месопотамия) и провозглашает себя императором в начале марта.

Он лицемерно чтит память убитого им.

Гордиан был причислен к богам.

Гробница этого юного и несчастного принца находится близ Циркезия, города, построенного при слиянии Хобораса и Евфрата.

Цензорин и Геродиан писали при Гордиане.

Рим в описываемое время погрузился в настоящую анархию. Сила решала всё: законы и нравы ничего не значили. Не было преступления ужаснее убийства Максима и Бальбина, и даже не ставился вопрос о наказании виновных. Они обеспечили себе безнаказанность, провозгласив Августом юного Гордиана Цезаря.

Они поспешили взять его к себе и увезти в лагерь, выдавая своё чудовищное убийство за заслугу и крича потрясённым гражданам, что избавили их от неугодных правителей и дали им императора, которого они любили и уже удостоили титула Цезаря. Этого было достаточно, чтобы переменить настроения. Максим и Бальбин были забыты, как будто их никогда не суще-

ствовало. Тринадцатилетний Гордиан был признан народом и сенатом со всеми возможными проявлениями радости и поздравлений.

Правда, этот юный принц, помимо известного имени, обладал всеми качествами, способными расположить к нему сердца: красивым лицом, весёлым, открытым нравом, мягкими манерами, лёгкостью в общении и любовью к наукам. Поэтому его горячо любили. Сенат, народ, солдаты называли его своим сыном: он был отрадой всего мира.

Наши источники, становящиеся всё более скудными (ведь даже Геродиан здесь не помогает), не сообщают, какие меры были приняты для управления империей при тринадцатилетнем императоре. До этого он воспитывался под крылом своей матери Меции Фаустины. Можно предположить, что эта принцесса, оказавшаяся в положении, схожем с положением Маммеи, претендовала на не меньшую власть, чем та. Но она далеко не последовала её примеру в воспитании сына и в выборе советников. Вместо того чтобы окружить его способными и верными людьми и оградить от дурного влияния, она отдала его на попечение евнухов и алчных придворных, которые заботились лишь о собственной выгоде, совершенно не думая о чести принца. Картину этих злоупотреблений мы находим в письме Миссифея, который их исправил, и я считаю уместным привести его здесь.

«Сыну моему, высокочтимому государю, августу, Мисифей, тесть и префект императора.

Для нас великая радость – стереть пятно тех печальных времен, когда при дворе все продавалось через евнухов и тех, кто называл себя вашими друзьями, будучи на самом деле вашими злейшими врагами. Но вершина моей радости в том, что реформы вам по душе, и теперь ясно, что ошибки прежних времен ни в коей мере не должны быть вменены вам.

Да, мой грозный государь и сын, вы помните: военные назначения делались по рекомендации дворцовых евнухов; заслуги оставались без награды; оправдания и осуждения, независимо от сути дел, определялись прихотью или деньгами; казна разграблялась и опустошалась мошенниками, которые сообща расставляли ловушки, чтобы уловить вас, и заранее сговаривались о роли, которую каждый должен был играть при вас. Этими ухищрениями они изгоняли достойных, ставили на их места порочных людей и, в конце концов, продавали вас, как продают товары на рынке.

Благодарение богам, что правление было преобразовано по вашей полной и совершенной воле. Мне отрадно быть тестем доброго государя, который стремится учиться и все знать сам и который удалил от себя тех, кто злоупотреблял его доверием.»

Гордиан в ответном письме подтвердил все изложенные факты. Он благодарил Мисифея за то, что тот открыл ему глаза, и закончил весьма трогательными для юного императора словами:

«Отец мой, позвольте мне сказать правду. Удел императора поистине жалок: от него скрывают истину. Он не может все видеть сам и вынужден полагаться на людей, которые сговариваются его обмануть.»

Прочитанное содержит почти все, что известно о первых годах правления Гордиана до того момента, когда он сделал Мисифея своим тестем и министром. Остальное сводится к зрелищам и играм, которые устраивались для завоевания народной любви, и к восстанию Сабиниана в Африке.

Наши источники не сообщают ни кто такой Сабиниан, ни что побудило его к мятежу, ни какие силы вселяли в него надежду на успех. В 240 году от Р. Х. он поднял волнения в Африке, стремясь стать императором; у него было сторонники, но их ряды быстро рассеялись, и сопротивление было легко подавлено. Сам он погиб в этом плохо организованном предприятии, а победа была милостива: мятежники, поспешившие вернуться к повиновению, получили прощение.

В том же или следующем году Гордиан, к счастью своему и всей империи, женился на дочери Мисифея. На монетах она именуется Фурия Сабина Транквиллина. Мы не знаем

ни предков Мисифея, ни даже его происхождения, разве что его имя, а также имя Тимесикл, которое дает ему Зосим, указывают на греческие корни. Что касается его личности, Капитолин называет его человеком весьма ученым и красноречивым. Но его деяния доказывают куда более высокие достоинства и позволяют славить его как добродетельного министра и великого государственного мужа.

Гордиан, женившись на его дочери, назначил его префектом претория, дав возможность проявить свои таланты. Я уже не раз отмечал, сколь могущественной стала эта должность – и в гражданских, и в военных делах. Префект претория был тогда первым министром, генерал-лейтенантом государя. Мисифей использовал свою власть для исправления злоупотреблений, как видно из его письма. Он водворил правосудие и законность в советах принцепса, а двумя целями его политики были слава государя и благоденствие народа.

Что касается войск, он восстановил дисциплину, расшатанную беспорядками прежних времен. Служба у римлян была прибыльной, и многие, ради получения жалования, оставались в строю или поступали на службу либо слишком старыми, либо слишком юными, неспособными вынести тяготы. Он уволил тех, кто был слишком стар или слишком молод, и постановил, чтобы никто не получал платы от государства, не служа ему. Он вникал в мельчайшие детали, лично проверяя оружие солдат. Он умел внушать одновременно страх и любовь, и уважение к его добродетели и мудрому правлению предотвращало больше проступков, чем он мог бы наказать.

На войне ничто не могло сравниться с его деятельностью и бдительностью. Где бы он ни стоял лагерем, он следил, чтобы тот всегда был окружен рвом. Он лично обходил караулы по ночам, проверяя посты и часовых. Он так обильно снабдил приграничные города припасами, что ни один из них не мог бы не прокормить императора с армией в течение пятнадцати дней, а крупнейшие – целый год.

Таков был Мисифей, а успехи, которых Гордиан добился с ним в войне против персов, показывают, что этот мудрый министр был также искусным полководцем.

Персы не испытывали на себе силу римского оружия со времен Александра Севера. Однако Арташир (Артаксеркс), восстановитель их имени и империи, в 237 году от Р.Х. предпринял несколько действий, которые грозили возобновить войну. Мы видели, что Максимин готовился выступить против персов, когда погиб. Его смерть и последовавшая вскоре кончина Арташира, по-видимому, отсрочили столкновение. Умирая, Арташир оставил сына и преемника Шапура, который в течение тридцати одного года своего правления был постоянным бичом римлян и причинял им невиданные бедствия. Он начал войну против них, едва взойдя на престол, и, полный той отваги, которую внушают молодость и желание ознаменовать начало нового правления, вторгся в Месопотамию, захватил Нисибис и Карры, и если не овладел Антиохией, то по крайней мере держал этот великий город в напряжении и тесно его осаждал. Его успехи были столь велики и стремительны, что его уже почти боялись в самой Италии, а он был достаточно честолюбив и высокомерен, чтобы распространять свои замыслы и угрозы даже туда.

Гордиан принял меры, чтобы отразить столь яростное нападение. Он провел огромные приготовления войск, военных припасов и денег. Я уже говорил, как заботился Мисифей о продовольствии. Когда все было готово, Гордиан открыл храм Януса, чтобы обозначить начало войны: и это последний раз, когда эта церемония упоминается в истории. Он выступил весной 242 года от Р.Х. и направился через Мёзию и Фракию. Там он разбил варваров, по-видимому, готов и сарматов [1], которые распространились по этим провинциям. Однако он потерпел некоторый урон, но, должно быть, незначительный, от аланов на равнинах Филиппополя. Оттуда, переправившись через пролив, он прибыл в Сирию и повел войну против персов с такой энергией и успехом, что покрыл себя славой. Ужас Шапура был так велик, что он поспешно покинул все захваченные земли и города, спеша вывести свои гарнизоны и вер-

нута города жителям без грабежа; а его солдаты, преследуемые победителями и переправившись через Евфрат, в радости от того, что избежали, как им казалось, опасности, целовали эту дружественную землю, которая давала им безопасность. Шапур так спешил бежать, что отдал жителям Эдессы все захваченные в Сирии деньги, чтобы купить у них свободный проход.

Гордиан, освободив Антиохию и изгнав врагов из Сирии, в свою очередь перешел Евфрат, разбил Шапура близ города Ресаена, отвоевал Карры и Нисибис, вернул всю Месопотамию; и к концу второй кампании он надеялся вступить на земли персов и дойти до царского города Ктесифона.

В таких выражениях он писал сенату: и в своем письме он с удивительной искренностью признавал, что своими успехами обязан Мисифею, и рекомендовал вознести благодарность сначала богам, а затем префекту претория. Сенат присудил императору триумф, и чтобы подчеркнуть победу над персами, постановил, что колесницу будут везти четыре слона. Мисифей был награжден честью триумфальной колесницы, запряженной четверкой лошадей, и надписью в его честь, которая сохранилась в Риме, по крайней мере частично, и в которой он назван отцом императора и опекуном республики.

Ему воздали должное: и события лишь слишком доказали, что благополучие императора зависело от него. Вскоре после описанного он умер, завещав все свое имущество Римской республике, или, точнее, городу Риму; и с ним погибли все счастье и слава Гордиана. Полагали, что его смерть не была естественной, и подозревали, что ее ускорил Филипп, который сменил его на посту префекта претория. Мисифей страдал от дизентерии, и говорили, что вместо лекарства, прописанного врачами, Филипп, подкупив его слуг, дал ему такое, которое усилило болезнь и погубило больного. Нет никаких оснований сомневаться в его виновности: тот, кто пожинал плоды этого преступления и венчал его другим, еще более тяжким.

Филипп, Марк Юлий Филипп, был арабом по происхождению, родился в Бостре, в маленькой области Трахонитида, низкого и даже презренного рода, если правда, как говорит «Эпитом» Виктора, что он был сыном разбойничьего главаря. Он продвинулся по службе настолько, что мог претендовать на должность префекта претория, на которую Гордиан действительно назначил его после смерти Мисифея. Говорили, что он был христианином. Но если это так, мне кажется весьма удивительным, что ни один из языческих авторов, писавших о нем, не отметил этого. Особенно Зосим, исполненный яда против христианства и с удовольствием клеветующий на Константина самыми гнусными измышлениями, нашел бы прекрасный материал для нападок в случае с Филиппом. Христианские писатели, на авторитете которых основано мнение о христианстве этого префекта претория, вскоре ставшего императором, несомненно, заслуживают уважения. Но их рассказы так запутаны, так переполнены обстоятельствами, несовместимыми друг с другом или опровергаемыми историей, что вес их свидетельства значительно ослабевает. Хотя г-н де Тиллемон склонен им верить, я не боюсь признать, что из написанного им по этому поводу у меня сложилось противоположное впечатление. Если Филипп и исповедовал нашу религию, то, несомненно, был плохим христианином. Лучше предположить, что, родившись близ страны, бывшей колыбелью христианства, он мог воспринять некоторые его идеи; и что он покровительствовал ему, как Александр Север, но не отказываясь от идолопоклоннических суеверий, которые он демонстрировал, будучи императором.

Должность префекта претория была для Филиппа лишь ступенью к трону, и ради этой цели он не останавливался перед преступлениями. Он задумал лишить Гордиана любви солдат и для этого вызвал голод в армии. Мисифей, как мы отмечали, принял мудрые меры, чтобы обеспечить постоянное изобилие. Филипп же повел армию через бесплодные земли Месопотамии, подальше от складов. Коварными приказами он отгонял суда с провизией. Голод начал давать о себе знать, и солдаты зароптали. Филипп воспользовался беспорядком, единственной причиной которого был он сам. Через своих агентов он нашептал войскам, что неувиди-

тельно, если дела идут плохо под руководством принца, чей возраст требует, чтобы им самим руководили; что куда полезнее было бы передать командование тому, кто обладает способностями и опытом для этого. Он даже склонил на свою сторону нескольких видных офицеров, и в конце концов дело дошло до того, что вся армия провозгласила Филиппа императором. Гордиан и его друзья пытались противостоять мятежу. Но заговор был слишком силен: пришлось пойти на компромисс, и в результате солдаты постановили (это выражение историка), что Филипп будет соправителем Гордиана, его коллегой и опекуном.

Но этого было недостаточно для честолюбия Филиппа. Он возжелал править единолично: к тому же, зная, как любимо имя Гордиана было в Риме и в провинциях; опасаясь даже, что солдаты вновь проникнутся нежностью к этому юному императору, когда исчезнет причина, вызвавшая их недовольство; чувствуя, наконец, с каким невыгодным положением – будучи человеком низкого происхождения, достигшим верховной власти дурными путями – он будет бороться против законно избранного принца, племянника и внука императоров, он пришел к выводу, что не будет в безопасности, пока жив Гордиан, и приказал тайно умертвить его, по видимому, посредством скрытых козней.

Капитолин приводит здесь малоправдоподобную сцену. Он говорит, что Гордиан, которого Филипп третировал с надменностью и высокомерием, попытался сбросить ненавистное ярмо и добиться смещения своего угнетателя солдатами. Для этого он взошел на трибуну в сопровождении своего родственника Меция Гордиана, занимавшего высокое положение в армии. Там он жаловался собравшимся офицерам и солдатам на неблагодарность и наглость Филиппа, но его жалобы были встречены с презрением и не возымели действия. Видя, что проигрывает своему противнику, он потребовал равенства с ним – и получил отказ. Тогда он предложил, чтобы ему хотя бы сохранили титул Цезаря, но и этого не добился. Он даже соглашался довольствоваться должностью префекта претория, но его мольбы не были услышаны. Наконец, он ограничился просьбой о сохранении ему жизни, и Филипп, который присутствовал при этом и до сих пор оставался немым зрителем, позволяя действовать и говорить своим сторонникам, сначала как будто согласился на эту унижительную и справедливую просьбу, но после минутного размышления изменил решение и приказал схватить Гордиана, увести и казнить: что и было исполнено, хотя не сразу, а после небольшой отсрочки.

Этот рассказ, представляющий Гордиана столь же жалким, сколь Филиппа – жестоким и tyrannical, содержит в себе плохо связанные и неубедительные обстоятельства: более того, если бы Филипп открыто приказал убить Гордиана, он не смог бы скрыть свое преступление, как это сделал, ни написать сенату, что молодой принц умер от болезни. Поэтому мы предположим, что он прибег к коварству, чтобы избавиться от него, и действовал тайно. Гордиан погиб, по мнению г-на де Тиллемона, в начале марта 244 года от Р. Х., процарствовав с титулом Августа пять лет и около восьми месяцев. Ему было около двадцати лет.

Филипп сделал вид, что чтит его память: он устроил ему пышные похороны и отправил его прах в Рим. Он разрешил солдатам воздвигнуть ему гробницу или кенотаф в Заифе, месте его смерти, близ Цирцеция, города, построенного при слиянии Хабора [2] и Евфрата. Он оставил нетронутыми его изображения, статуи, надписи, упоминавшие его с почестями; и когда этот несчастный принц был причислен сенатом к лику богов, Филипп не стыдился называть богом того, кого убил.

Смерть Гордиана была отомщена. Филипп, насладившись плодами своего преступления всего несколько лет, был лишен их Децием, который отнял у него империю вместе с жизнью: и его сын, которого он намеревался сделать своим наследником, разделил его печальную участь. Те девять человек, которые помогли ему убить Гордиана, лишившись поддержки принцев, единственных, кто мог гарантировать им безнаказанность, покончили с собой и, как говорят, теми же мечами, что были запятнаны кровью их императора.

Только после смерти Филиппа на гробнице Гордиана могла появиться эпитафия, приведенная Капитолином: «БОЖЕСТВЕННОМУ ГОРДИАНУ, ПОБЕДИТЕЛЮ ПЕРСОВ, ПОБЕДИТЕЛЮ ГОТОВ И САРМАТОВ, УСМИРИТЕЛЮ МЯТЕЖЕЙ, РАЗДИРАВШИХ РИМСКУЮ РЕСПУБЛИКУ, ПОБЕДИТЕЛЮ ГЕРМАНЦЕВ, НО НЕ ПОБЕДИТЕЛЮ ФИЛИППА». Последняя фраза имеет двойной смысл: она указывает на преступление убийцы Гордиана, но может быть истолкована и как намек на поражение, которое молодой император потерпел от рук Филиппа во время македонской кампании. Говорят, Лициний, правивший вместе с Константином и желавший считаться потомком императора Филиппа, приказал убрать эту эпитафию. Возможно, это всего лишь игра ума, которую Капитолин выдал за реальность.

Гордиан заслужил знаки привязанности и любви, которые были ему оказаны после смерти. История не упрекает его ни в одном пороке. Он правил хорошо, пока им руководил Мизифей. После того как он лишился этого мудрого наставника, его можно упрекнуть лишь в слабости: характер более располагающий, чем пригодный для власти, и более мягкий, чем талантливый.

Его семья, несомненно, продолжилась в боковых ветвях с тем же именем, и сенат даровал этому роду особую привилегию – освобождение от опекунов и от всех обременительных общественных и частных обязанностей. Дом, принадлежавший Гордианам, еще во времена Константина оставался одним из главных украшений Рима.

История не упоминает ни одного общественного сооружения, которым Гордиан украсил бы город. Правда, он начал строить большой портик на Марсовом поле и планировал присоединить к нему базилику и бани, но смерть помешала ему осуществить этот замысел. На одной медали можно увидеть указание на то, что он восстановил амфитеатр.

Здесь уместно упомянуть несколько отдельных событий. Перед тем как Гордиан отправился на войну с персами, произошли, если верить буквальному выражению историка, землетрясения по всему миру, столь сильные, что целые города погрузились в землю вместе с жителями. Были consulted Сивиллины книги; исполнили то, что, как казалось, они предписывали; и бедствие прекратилось, потому что должно было прекратиться.

Аргунтис, царь скифов, ободренный смертью Мизифея, совершал набеги на соседние земли. Г-н де Тиллемон сомневается, следует ли под именем скифов понимать здесь карпов, о которых пойдет речь при Филиппе, или готов.

Тот же г-н де Тильмон относит к правлению Гордиана и ко времени, когда этот государь готовился выступить против персов, первое упоминание о франках в истории. Мы узнаем от Вописка [3], что Аврелиан, впоследствии император, будучи еще трибуном легиона, сражался под Майнцем против франков, опустошавших всю Галлию; что он убил семьсот из них и взял в плен триста, которые были проданы; и что этот подвиг был воспет в военной песне, которую историк не пренебрег привести. Видно, что этот народ, ныне и в течение стольких веков столь могущественный и самый прославленный в Европе, имел тогда мало сил, раз столь незначительная неудача смогла его усмирить. Также видно, что он уже тогда обосновался в стране, которую занимал непрерывно с той поры до установления французской монархии в Галлиях: то есть вдоль правого берега Рейна, между этим рекой на западе, Майном на юге, Везером на востоке и морем на севере. Откуда он пришел, какова была его древняя родина – это остается в значительной неопределенности из-за темноты времен и недостатка свидетельств. Мы видим, что оратор Эвмен в панегирике Константину отличает страну, которой они завладели (ту, что мы только что описали), от страны их происхождения, которую он называет далекой и варварской землей: возможно, это были берега Балтийского моря. Однако среди франков мы встречаем все названия древних обитателей этой самой области, которую, как говорят, они захватили: хатты, хамавы, бруктеры, фризы и другие; так что кажется, будто народ франков состоял частично из племени, пришедшего из земель за Эльбой, и частично из древних народов, обосновавшихся вдоль Рейна, которые объединились под новым именем, чтобы

создать общий союз, хотя каждое племя сохраняло свою обособленность, имея собственного короля и управление. Все исторические памятники подтверждают, что эта нация включала множество народов и имела одновременно нескольких королей. Такое положение сохранялось до Хлодвиг, объединившего под своей властью все племена, ранее управлявшиеся разными вождями. Франки, побежденные Аврелианом, могли быть одним из таких племен, которых римляне приняли за весь народ.

Геродиан писал при Гордиане III, чье восшествие на престол он описывает. Его история начинается со смерти Марка Аврелия и охватывает период около семидесяти лет. Он утверждает, что писал лишь о том, что видел, слышал и в чем даже участвовал сам, будучи занят на государственных службах. Видимо, эти должности не были высокими, раз он ограничивается общими указаниями, не уточняя их характер. Мы также заметили, что в важных вопросах он, похоже, не был хорошо осведомлен. Кроме того, он не датирует события, не показывает их взаимосвязи; в его изложении нет ни глубины мысли, ни понимания тайн человеческого сердца, мало учености и знаний. Это посредственный писатель, чья главная заслуга, как я уже говорил, – изящество стиля.

Цензорин датирует своей книгой «О дне рождения» (*De Die natali*) год консульства Анния Пия и Понтиана, на который пришлось начало правления Гордиана. Это хорошо написанный труд, свидетельствующий о незаурядной эрудиции. Он посвящает его некоему Кв. Цереллию, которого превозносит, но который более нигде не упоминается.

Примечания:

[1] В эпитафии, которую приводит Капитолин (14), он именуется победителем готов и сарматов.

[2] Эта река до сих пор сохраняет своё название и называется Шабур или, с арабским артиклем, Аль-Шабур. Она протекает через Дьербеч. На карте г-на де Л'Иля я обнаружил у её устья город под названием Кархисен, который, без сомнения, является упомянутым здесь Цирцеием или Циркузием.

[3] ВОПИСК, «Аврелиан», 7.

От Филиппа до Галлиена

Книга первая

§ I. Филипп

ХРОНИКА ПРАВЛЕНИЯ ФИЛИППА

...PEREGRINUS. – ...ÆMILIANUS. 995 год от основания Рима. 244 год от Р. Х.

Филипп пишет сенату, который признает его и присваивает ему все титулы императорской власти.

Он назначает Цезарем своего семилетнего сына.

Заключает мир с Сапором.

Его мнимая покаянная речь в Антиохии.

Он прибывает в Рим и благодаря любезным манерам завоевывает дружбу знати.

Командование сирийскими войсками он поручает своему брату Л. Приску, а войсками Мезии и Македонии – своему тестю Северину.

M. JULIUS PHILIPPUS AUGUSTUS. – ... TITIANUS. 996 год от основания Рима. 245 год от Р. Х.

Он отправляется на войну с карпами, опустошавшими земли близ Дуная, и возвращается победителем.

...PRÆSENS. – ... ALBINUS. 997 год от основания Рима. 246 год от Р. Х.

Пожар в Риме.

M. JULIUS PHILIPPUS AUGUSTUS II. – M. JULIUS SEVERUS PHILIPPUS CÆSAR. 998 год от основания Рима. 247 год от Р. Х.

Филипп, назначив своего сына консулом, провозглашает его также Августом.

PHILIPPUS III AUGG. – PHILIPPUS II AUGG. 999 год от основания Рима. 248 год от Р. Х.

Секулярные игры.

Указ об искоренении преступлений против природы.

M. ÆMILIANUS II. – JUNIUS AQUILINUS. 1000 год от основания Рима. 249 год от Р. Х.

Восстание Иотапиана в Сирии и Марина в Мезии. Оба погибают вскоре после провозглашения Августами.

Деций, отправленный в Мезию для наказания сторонников мятежа Марина, сам провозглашается императором войсками.

Он выступает в поход. Битва при Вероне. Филипп побежден и убит. Его сын убит в Риме преторианцами.

Оба удостоены божественных почестей.

ПРИМЕЧАНИЕ

Так как тираны, то есть те, кто, узурпировав титул и власть императора, погибли, не будучи признанными в Риме и сенатом, составляют значительную часть римской истории этого периода, я позабочусь отмечать их в конце хроники каждого правления.

ТИРАНЫ во время правления Филиппа

Иотапиан на Востоке.

Марин в Мезии.

Филипп, добившись провозглашения себя императором солдатами, был крайне заинтересован в быстром подтверждении этого статуса сенатом. Он направил сенату письмо с прось-

бой о признании, скрывая свое преступление против Гордиана и утверждая, как я уже отмечал, что юный принц умер от болезни. Сенат, обманутый или сделавший вид, что поверил, присоединился к воле войск и в одном решении постановил: удостоить Гордиана божественных почестей, а Филиппа – всех титулов императорской власти.

Если бы писателю вроде Зонары можно было доверять, мы бы сказали, что сенат не так легко подчинился желаниям Филиппа: сначала он выбрал двух императоров – Марка, философа по профессии, и Севера Гостилиана, но оба умерли через несколько дней, и эти внезапные смерти вынудили сенат, лишенный альтернатив, признать Филиппа. Однако авторитет Зонары весьма сомнителен, его рассказ маловероятен, и если в нем есть доля истины, то, следуя де Тиллемону, можно предположить следующее: сохранились монеты некоего М. Марция и Л. Аврелия Севера Гостилиана с титулом Августа. Вероятно, среди множества узурпаторов той эпохи были и эти двое, но их влияние было незначительным, а правление – кратким.

Филипп, желая укрепить свою власть, сразу же сделал важный шаг: назначил соправителем своего семилетнего сына (носившего то же имя), хотя и не дал ему титула Цезаря.

Потребность упрочить власть заставила его отправиться в Рим, и в этих обстоятельствах он счел нецелесообразным продолжать войну с Сапором, который и так понес большие потери. Филипп заключил мир с персидским царем, который охотно согласился на условия, и вывел римские войска из Сирии.

Здесь же упоминается самый яркий эпизод, якобы доказывающий христианство Филиппа: находясь в Антиохии на Пасху, он пожелал принять участие в таинствах, но епископ св. Вавила отказал ему из-за преступлений, включая убийство Гордиана, после чего император якобы публично покаялся. Учитывая сомнительность источников, этот эпизод, вероятно, вымышлен.

Филипп, щедро одарив войска, прибыл в Рим и расположил к себе сенат и знать любезным обращением. Одновременно он укрепил ключевые посты, доверив командование сирийскими войсками брату Л. Приску, а мезийскими и македонскими – тестю Северину. Затем, желая военной славы, он лично возглавил поход против карпов – народа, обитавшего в Карпатских горах (ныне Крапак), которые совершали набеги на римские земли. Впервые они упоминаются при Александре Севере, а М. де Тиллемон приводит любопытный рассказ об их посольстве, сохранный Петром Патриkiem.

Туллий Менофил, вероятно тот самый, который впоследствии, как мы уже отмечали [ранее], защищал город Аквилею от Максимиана, в то время командовал в Мезии. Будучи активным и бдительным полководцем, он держал войска в напряжении и ежедневно проводил с ними учения. Карпы, узнав, что готы получают от римлян значительную дань, также воспылали завистью и алчностью. Они отправили послов к Менофилу с требованием такой же выплаты. Менофил был осведомлен об их притязаниях и варварской гордыне, поэтому решил унижить их пренебрежительным обращением. Когда послы прибыли в его лагерь, он несколько дней не удостоивал их аудиенции, разрешая лишь наблюдать за тренировками солдат, чтобы варвары прониклись уважением к физической силе и мастерству римлян. Наконец, он вызвал их на прием. Взойдя на высокий помост в окружении самых рослых и статных воинов, Менофил слушал речь послов рассеянно, будто погруженный в иные дела, и перешептывался с приближенными, словно вопросы карпов не стоили его внимания. Возмущенные высокомерием, послы резко оборвали речь: «Почему готы получают от вас столько денег, а мы – ничего?» Менофил ответил: «Римский император обладает великими богатствами и делится с теми, кто его умоляет». – «Тогда внесите и нас в число просителей, – потребовали послы, – и дайте столько же, как готам, ибо мы достойнее их!» Менофил рассмеялся их деревенской простоте, пообещал доложить императору и велел явиться за ответом через четыре месяца. Карпы явились в срок, но под предлогом их снова отложили на три месяца. Наконец, Менофил объявил: «Император не обязан вам ничем. Но если жаждете милостыни – падите к его ногам в Риме.

Возможно, его доброта смягчится вашими мольбами». Карпы поняли, что над ними издеваются, однако за три года правления Менофила в Мезии не осмеливались на бунт.

Они совершили набег на Мезию при Максиме и Бальбине. Последний уже готовился выступить против них, когда был убит.

О карпах вновь заговорили лишь в правление Филиппа. [Зосим свидетельствует, что в начале его правления они опустошили окрестности Дуная.] Филипп лично возглавил поход, разбил их в сражении и загнал в крепость, которую осадил. Однако осажденные, заметив с стен своих братьев, собиравшихся в боевые порядки после бегства, предприняли вылазку, надеясь на поддержку и снятие осады. Потерпев неудачу, они запросили мира, который Филипп легко даровал, после чего триумфально вернулся в Рим.

Филипп стремился укрепить свою власть и передать империю потомкам. В 247 г. от Р.Х. он назначил десятилетнего сына своим соправителем в консульстве, а к концу года провозгласил его Августом. Год спустя сын стал консулом во второй раз. Однако эти преждевременные почести лишь ускорили гибель мальчика, лишившегося отцовской защиты.

21 апреля 248 г., согласно расчетам Варрона [наиболее авторитетным], завершилась тысяча лет со дня основания Рима. Юбилей отметили Вековыми играми, хотя Септимий Север уже проводил их 44 года назад. [Пышное празднество, наполненное языческими обрядами, явно свидетельствует о приверженности Филиппа идолопоклонству.] Безосновательно полагать, что император участвовал в играх, избегая жертвоприношений – ключевого элемента торжества.

Для усиления великолепия Филипп использовал атрибуты триумфа Гордиана над персами. Капитолин оставил нам перечень животных, показанных народу или выпущенных на потеху: 32 слона, 10 лосей, 10 тигров, 60 львов, 30 прирученных леопардов, 10 гиен, 10 «особых» львов, 10 верблюдолеопардов, 20 диких ослов, 20 диких лошадей, гиппопотам и носорог. Также устроили бои тысячи пар гладиаторов.

Вековые игры Филиппа, вероятно, стали последними в Риме. Аврелий Виктор, живший столетие спустя, сетует, что следующий юбилей не отметили, хотя считал эти обряды залогом стабильности империи. Зосим вторит ему с большим негодованием.

Вскоре после игр Филипп издал похвальный указ, запретив публичное совершение противоестественных преступлений за которые ранее взималась подать в казну]. Хотя само преступление не искоренили, позорная официальная терпимость к нему прекратилась. [Александр Север не решался на такую реформу. Указ Филиппа действовал неукоснительно и не требовал повторения.

До этого момента правление Филиппа было довольно спокойным, и, насколько можно судить по скудным сведениям, предоставляемым нашими авторами, это спокойствие можно приписать благоразумию государя, который, по-видимому, был искусным и умелым политиком. Однако он совершил ошибку, позволив своему брату Приску злоупотреблять властью, вверенной ему на Востоке. Высокомерие этого командующего и его тиранические притеснения при сборе налогов вызвали восстание. В то время существовал обычай доводить бунт сразу до крайности, и даже малейшие волнения приводили к провозглашению императора. Иотапиан, который считал себя – и, возможно, действительно был – родственником Александра Севера, был облачен в пурпур и провозглашен Августом. Те же причины произвели тот же эффект в Мезии, и войска этого региона сделали императором П. Карвилия Марина, который был простым центурионом.

Что касается последствий этих событий, которые в конечном итоге лишили Филиппа власти и жизни и возвели Деция на трон Цезарей, у нас есть только то, что сообщают Зосим и Зонара, и я не могу заставить себя переписывать нелепые рассказы этих неразумных писателей, которые даже противоречат друг другу [1]. Разве можно поверить, что Филипп, испуганный восстаниями Иотапиана и Марина, просил сенат либо помочь ему, либо освободить

его от бремени правления? Что Деций, назначенный императором для принятия командования войсками Мезии после гибели Марина, хотел отказаться от этой миссии, исход которой он так хорошо предвидел, что даже предсказал Филиппу, предупреждая, что это может повлечь неприятные последствия для обоих? Что Филипп, несомненно не лишенный ума, тем не менее принудил его подчиниться? Что Деций, провозглашенный императором войсками по прибытии в Мезию, сопротивлялся своему возвышению, и что ему пришлось приставить меч к горлу, чтобы вырвать его согласие? Наконец, что тот же Деций, уже двигаясь против Филиппа, писал ему, чтобы тот не тревожился, так как он отречется, как только войдет в Рим? Все эти обстоятельства либо выдуманы для занимательности, либо скрывают глубины честолюбивой политики Деция, который начал с обмана своего императора, чтобы затем уничтожить его.

Поэтому мы ограничимся лишь внешней стороной фактов. Иотапиан и Марин погибли из-за собственной неспособности в тех же провинциях, где в течение очень короткого времени играли роль театральных царей. Первый, впрочем, мог продолжить свою карьеру и пользоваться узурпированной властью вплоть до следующего правления. Деций, уроженец Будалии, деревни в Паннонии близ Сирмия, который, судя по всему, происходил из низов [2], но благодаря своим заслугам и талантам достиг консульства и места среди первых лиц сената, был отправлен Филиппом в Мезию для наказания тех, кто поддержал выступление Марина. Солдаты, чувствуя себя виновными, решили, что лучший способ избежать кары за мятеж – это рискнуть новым, и Деций, человек достойный, слышавший знатоком военного дела, показался им подходящим вождем, способным обеспечить им безнаказанность. Честолюбие Деция подогрело эти настроения. Так он сам возглавил мятеж, который должен был подавлять, и, провозглашенный Августом армиями Мезии и Паннонии, быстро двинулся в Италию, чтобы атаковать Филиппа. Филипп выступил ему навстречу с более многочисленными войсками, но, как говорят, был менее искусен в военном деле. Умение победило численность, и когда две армии столкнулись близ Вероны, Филипп был разбит и убит – либо на самом поле боя, либо в Вероне, куда он бежал. Его поражение и гибель датированы г-ном де Тиллемоном 249 годом от Р. Х., в один из летних месяцев или в начале осени. Таким образом, Филипп правил пять лет и несколько месяцев. Его сын был убит в Риме преторианцами, как только там узнали о поражении отца.

Один писатель сообщает, что этот юный принц был настолько серьезного, даже мрачного характера, что с пятилетнего возраста никогда не смеялся, какие бы попытки ни предпринимались, чтобы вызвать в нем это желание; и что во время вековых игр, увидев, как его отец смеется – как ему показалось, чрезмерно, – он бросил на него возмущенный взгляд. Такая склонность у ребенка была бы весьма противоестественной, и нельзя не заподозрить в этом рассказе по крайней мере преувеличение.

Наиболее значительным памятником правления Филиппа является колония Филиппополь, которую он основал в Аравии Петрейской, близ Бостры, откуда был родом. Он приказал прорыть канал в районе Рима за Тибром, чтобы доставлять воду для удобства жителей.

Он присоединил к императорской казне дом Гордианов, который, как я уже говорил, некогда принадлежал Помпею. Этот шаг кажется противоречащим уважению, которое он демонстрировал к памяти своего предшественника.

При его правлении упоминается большой пожар, уничтоживший театр Помпея и портик, называемый Ста колонн.

В Кодексе находится закон, изданный от его имени, который объявляет, что поэты не имеют привилегий на какие-либо льготы. Это лишает их поддержки, в которой скромность их состояния часто может нуждаться.

Должно быть, Деций сохранил некоторую осторожность в отношении памяти этого принца, если верно, как говорит Евтропий, что Филиппы после смерти были причислены к богам.

Примечания:

[1] Зонарас ссылается на восстание йотапийцев при Деции.

[2] Мы не должны верить, что император Деций, родившийся в маленькой деревне в Паннонии, был потомком древнего Деция, который посвятил себя смерти во славу и спасение Рима. Корнель изложил это в таких прекрасных стихах из «Полиэты» (акт IV, сцена III.)

Память предков Деция восхваляется:

И это имя, все еще дорогое вашим римлянам,

Через шестьсот лет отдает империю в его руки.

Но он – поэт, использующий свободу притворства. Сходство имен оказалось для него достаточным, чтобы уловить черту, которая украшает его творчество.

§ II. Деций

ЛЕТОПИСЬ ПРАВЛЕНИЯ ДЕЦИЯ.

М. ЭМИЛИАН II – ЮНИЙ АКВИЛИН. 1000 г. от Осн. Рима. 249 г. от Р.Х.

Деций, признанный императором, делает своего сына соправителем с титулом Цезаря. Впоследствии он дал тот же титул своему второму сыну, Гостилиану.

Он жестоко преследует христианскую церковь.

Г. МЕССИЙ КВИЕТ ТРАЯН ДЕЦИЙ АВГУСТ II – ... ГРАТ. 1001 г. от Осн. Рима. 250 г. от Р.Х.

Этот второй консулат Деция предполагает первый, дата которого неизвестна.

Гонения продолжались с прежней силой в течение всего этого года.

Мученичество св. Фабиана, папы.

Ориген, долго и жестоко мучимый языческим судьёй в Кесарии Палестинской.

Отпадение множества христиан. Св. Павел Отшельник удаляется в Фиваидскую пустыню.

Часть стен Рима восстановлена Децием.

Беспорядки в Галлии.

Вторжение готов в Иллирию, Фракию и Македонию. Л. Приск присоединяется к ним и провозглашает себя императором. Деций Младший отправлен отцом для борьбы с врагами. Захват готами Филиппополя во Фракии.

ДЕЦИЙ АВГУСТ III – КВ. ГЕРЕННИЙ ЭТРУСК МЕССИЙ ДЕЦИЙ ЦЕЗАРЬ. 1002 г. от Осн. Рима. 251 г. от Р.Х.

Деций делает своего старшего сына Августом.

Сам отправляется в Иллирию.

Валент, император на несколько дней (либо в Иллирии, либо в Риме).

Валериан, будущий император, избран сенатом цензором.

Деций, одержав несколько крупных побед над готами, погибает вместе со старшим сыном и всей армией из-за предательства Галла. Это событие следует отнести к концу года.

УЗУРПАТОРЫ во время правления Деция:

Л. ПРИСК в Иллирии. Возможно, брат императора Филиппа.

ЮЛИЙ ВАЛЕНТ в Иллирии (по Требеллию Поллиону). Однако выражение Аврелия Виктора скорее указывает, что Валент был провозглашён императором в Риме.

ИОТАПИАН мог жить и править вплоть до правления императора Деция.

[Путаница в описываемый мной период крайне велика. Нет ни одной датировки события, ни начала или конца правления, почти ни одного факта, который не был бы предметом споров. Даже писатели «Истории Августов» отсутствуют, и существует лакуна от смерти Гордиана до правления Валериана. В этом лабиринте труд г-на де Тиллемона служит для меня необходимым проводником, без помощи которого я не осмелился бы в него углубиться.]

[Семья Деция представляет собой пример этих затруднений. Множество имён его сыновей заставило некоторых учёных приписать ему четырёх сыновей; другие признают только двух. Имя его жены также вызвало много споров. Г-н Лебо, мой прославленный коллега, сочетающий изысканный вкус в красноречии и поэзии с глубоким знанием античности, указал мне, что наиболее авторитетные специалисты в нумизматике признают лишь двух сыновей Деция: одного – Кв. Геренния Этруска Мессия Деция, другого – Г. Валента Гостилиана Мессия Квинта; что же касается жены Деция, её неизменно звали Геренния Этрусцилла. На этом я и остановлюсь.]

Деций именовался Г. Мессий Квинт Траян Деций. По-видимому, его родовым именем было Мессий, так как оно встречается и на монетах его сыновей. Однако в употреблении закрепилось имя Деций, иногда с добавлением Траяна. Родившись в деревне близ Сирмия, как я уже упоминал, он стал первым из многих иллирийских князей, возглавивших Римскую империю.

Этот император печально известен в церковной истории как яростный гонитель христианства. По этой причине христианские авторы не благоволят к нему. Язычники же, напротив, осыпают его похвалами, но мало подтверждают их фактами. Его правление было очень коротким, и следует признать, что история не сохранила о нём ничего более примечательного, чем гонения на христианскую веру.

Это также первое значительное событие его правления. Деций ненавидел христиан, потому что Филипп покровительствовал им, и поспешил удовлетворить свою ненависть. Он стал полновластным правителем лишь после середины 249 года от Р.Х., а 20 января 250 года принял мученическую смерть папа св. Фабиан. Гонения были санкционированы императорским эдиктом и, следовательно, носили общеимперский характер. Поскольку все провинции были полны христиан, число которых резко возросло со времён Александра Севера, это вызвало всеобщий ужас.

Отличительной чертой этого гонения (считающегося седьмым) было стремление заставить христиан отречься от веры через длительные мучения. Их остерегались казнить сразу. Долгое время их держали в тюрьмах, подвергая жестокому обращению, и многократно пытали, чтобы сломить их терпение и с помощью повторяющихся истязаний победить стойкость тех, кто, как считалось, готов был принять смерть с радостью.

Именно так поступили, в частности, с Оригеном, чья известность и высокий статус делали его особой мишенью для язычников. Этот почтенный старец, которому было тогда 66—67 лет, был арестован в Кесарии Палестинской и брошен в тюрьму. Судья старался, чтобы он страдал как можно сильнее, но не лишался жизни. Ужасы темницы, цепи, железный ошейник, пытки, колодки (в которые его ноги были зажаты до четвёртого отверстия), угрозы сожжения – всё было пущено в ход, чтобы отнять у христианства этого ревностного и просвещённого защитника и сделать его отступником. Благодать Христова поддержала его, и когда гонения прекратились, он был отпущен, удалился в Тир и вскоре умер.

Св. Вавила Антиохийский и св. Александр Иерусалимский скончались в тюрьме, куда были заключены за имя Христово.

Деций использовал против христиан и другую жестокую уловку, впрочем, заимствованную у предшественников. Он нападал прежде всего на епископов и священников, полагая, что народ, лишённый пастырской опеки, будет легче сломлен. Он настолько хорошо понимал важность этой тактики, что после смерти св. Фабиана более года препятствовал избранию преемника. И только благодаря мятежам и войнам, отвлекавшим его внимание, римское духовенство и народ смогли собраться и избрать св. Корнелия.

Достаточно ясно ощущается, что эти меры были хорошо продуманы относительно цели, которую поставил перед собой Деций; и действительно, множество христиан, изнеженных тридцативосьмилетним миром, нарушавшимся лишь кратким гонением Максимиана, пали жертвами того [гонения], о котором мы говорим. Многие принесли жертвы идолам; дру-

гие, желая, как им казалось, примирить совесть с безопасностью, не совершая преступления, за деньги получили у магистратов свидетельство, подтверждающее их покорность императорскому указу. Наиболее благоразумные из простых верующих, чье положение не обязывало их оставаться на поле боя и противостоять врагу, опасаясь своей слабости, воспользовались дозволением, которое Иисус Христос дал в Евангелии. Они бежали и рассеялись в отдаленных местах. Среди этих знаменитых беглецов наиболее известен святой Павел Отшельник, удалившийся в пустыни Фиваиды и скрывавшийся там до тех пор, пока девяносто лет спустя Бог не явил его через особое откровение святому Антонию.

Божественное милосердие ограничило по продолжительности столь жестокое и губительное зло. Гонение действовало в полную силу лишь в течение года; и до конца 250 года от Р.Х. исповедники, наполнявшие римские тюрьмы, были освобождены.

Это было не мягкостью или снисходительностью Деция, погасившего огонь гонения, но, как я уже сказал, необходимостью дел и опасностями, которыми грозило государству вторжение варваров. Готы перешли Дунай [1] и распространились по Иллирии, Фракии и Македонии. Л. Приск, командовавший в этих краях (вероятно, брат императора Филиппа), не постыдился присоединиться к врагам империи. Он принял пурпур и явил невиданное и неслыханное зрелище – римского императора во главе армии готов. Он недолго наслаждался этим пустым титулом, столь подло узурпированным; сенат объявил его врагом государства, и вскоре он был убит, хотя мы не можем сказать, как и чьей рукой.

Деций, возможно, занятый подавлением вспыхнувшего в Галлии движения гражданской войны, отправил в Иллирию для противодействия набегам варваров своего старшего сына, которого сделал Цезарем. Этот молодой принц, после череды успехов и неудач, в конце концов потерпел поражение и не смог предотвратить взятие готами города Филиппополя во Фракии, где, как говорят, было убито сто тысяч человек и откуда победители увели множество знатных пленников.

Поскольку война становилась все более серьезной, Деций, либо освободившись от других забот, либо считая эту самой неотложной, сам отправился в Иллирию; и, если верить его панегиристу Зосиме, он побеждал готов во всех сражениях, которые им давал.

Пока он успешно воевал против варваров, против него возник новый претендент на трон – то ли в Риме, то ли в Иллирии: ибо свидетельства авторов расходятся на этот счет. Валент провозгласил себя императором и погиб спустя несколько дней.

Галл, не менее честолюбивый, но более ловкий, чем Приск и Валент, преуспел в подобном предприятии против Деция. Он был одним из главных офицеров римской армии, и Деций, после нескольких побед над готами, намереваясь отрезать им путь назад в их страну и полностью истребить их, чтобы навсегда отбить у этого народа мысль о вторжении на римские земли, поручил ему с сильным отрядом охранять берег Дуная, пока он с основными силами армии будет преследовать их с тыла. Готы не смогли бы спастись, если бы не измена Галла. Этот предатель, охваченный страстью к власти, предложил им свои услуги против своего господина, которые были с жадностью приняты; и между ними был составлен план засады, чтобы погубить Деция. Готы расположились у большого болота, в которое Деций, увлеченный пылом преследования побежденных и обманутый ложным донесением Галла, вступил, не разведав его. Болото было глубоким и топким; и император, увязнув в нем со всей армией, в тот же момент оказался атакован тучей врагов.

Рассказывают, что в этом печальном случае он проявил твердость и величие духа, подобные тем, какие история приписывает Крассу среди его несчастий перед парфянами. Говорят, что старший сын Деция, только что возведенный им в ранг Августа, был убит в бою, но этот великодушный отец, вместо того чтобы поддаться горю, попытался утешить свои войска и воодушевить их, сказав, что потеря одного солдата – не гибель армии. Однако его мужество оказалось бесполезным в ужасном положении, в котором он оказался. Увязнув в трясине,

осыпаемые стрелами врага, который поражал их издали, не вступая в схватку, Деций, его сын и вся римская армия, солдаты и офицеры, погибли, и не спасся ни один. Так божественное правосудие отомстило за кровь своих святых, жестоко пролитую этим яростным гонителем.

Правление Деция длилось немногим более двух лет. Его смерть приходится на конец ноября или начало декабря 251 года от Р. Х. Он оставил сына, Гостилиана, который стал, как мы увидим, игрушкой в руках вероломного Галла.

О Деции говорят, что он построил и освятил стены Рима, что, вероятно, означает, что он восстановил часть их, которая, следовательно, потребовала нового освящения. Ибо стены городов считались священными согласно суеверным представлениям римлян. Деций также построил бани или термы, либо для личного пользования, либо для общественного благоустройства.

Кажется, этот государь ценил благопристойность в поведении и желал реформировать нравы, если верить рассказу, который мы находим в «Жизни Валериана» Требеллия Поллиона. Там сообщается, что Деций, находясь в Иллирии, написал сенату, приказав избрать цензора, и выбор пал на Валериана, впоследствии ставшего императором. Подобное внимание делает честь правлению Деция. Мы рассмотрим этот факт подробнее, когда будем говорить о Валериане.

Примечания:

[1] Зосима, по грубому невежеству, называет Данаис вместо Дуная.

§ III. Галл

ХРОНИКА ПРАВЛЕНИЯ ГАЛЛА.

ДЕЦИЙ АВГУСТ ДЕЦИЙ ЦЕЗАРЬ. 1002 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ РИМА. 251 ГОД ОТ Р.Х.

Галл провозглашен Августом вместе с Гостилианом, вторым сыном Деция, войсками Мезии и Паннонии.

Он жалует своему сыну Волузиану титул Цезаря. Заключает позорный договор с готами.

Г. ВИБИЙ ТРЕБОНИАН ГАЛЛ АВГУСТ III. – Г. ВОЛУЗИАН ЦЕЗАРЬ. 1003 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ РИМА. 252 ГОД ОТ Р.Х.

Галл прибывает в Рим.

Чума по всей империи, начавшаяся еще в 250 году.

Мученичество святых Корнелия и Луция, пап. Галл лишает жизни Гостилиана и распускает слух, что этот юный принц умер от чумы.

Он делает своего сына Волузиана Августом.

Г. ВОЛУЗИАН АВГУСТ II. – ... МАКСИМ. 1004 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ РИМА. 253 ГОД ОТ Р.Х.

Вторжение готов в Мезию.

Эмилиан, разгромив их, провозглашает себя императором.

Он движется со своей армией в Италию. Галл и его сын убиты близ Интерамны собственными войсками.

ТИРАН ПРИ ГАЛЛЕ.

М. АУФИДИЙ ПЕРПЕРНА ЛИЦИНИАН.

Время, события которого я здесь излагаю, – это эпоха переворотов, кровавых катастроф, кратковременных правлений, мелькающих, как тени. Римская империя тогда в точности напоминала жалкое царство в храме Дианы в Арицийской роще, которое могло принадлежать только рабу, убившему своего предшественника. Военачальники, почти все люди низкого происхождения, не упускали случая отнять империю вместе с жизнью у того, кто ею владел, и зани-

мали его трон в ожидании такой же участи. Филипп, Деций, Галл, о котором сейчас идет речь, и Эмилиан, сменивший Галла, – все они подтверждают мои слова.

Гай Вибий Требониан Галл был провозглашен императором без затруднений после смерти Деция войсками Мезии и Паннонии. Он был уроженцем острова Менинга (ныне Джерба) у африканского побережья и в своем поведении вполне оправдал африканскую вероломность. После того как он погубил Деция подлой и ужасной изменой, он воздал почести его памяти и причислил его вместе со старшим сыном к сонму богов. Это была политика, неизменно практиковавшаяся всеми узурпаторами трона, чтобы скрыть свое преступление. Так поступил Максимин с Александром, Филипп – с Гордианом III, а сам Деций – с Филиппом. Галл пошел еще дальше. Хотя у него был сын, известный в истории под именем Волузиана, он усыновил Гостилиана, сына Деция, и даровал ему титул Августа. Можно даже предположить, что он сначала добился провозглашения Гостилиана Августом как сына последнего императора, а затем под предлогом опекуинства из-за его малолетства сам принял верховную власть. Филипп подал ему пример такой хитрости. Как бы то ни было, достоверно то, что под личиной почестей и благожелательности, которые Галл оказывал Гостилиану, он скрывал черный замысел избавиться от него.

Готы слишком хорошо ему послужили, чтобы он стал с ними враждовать, да и интересы звали его в Рим. Он заключил с ними позорный мир, позволив им вернуться на родину со всей добычей и даже увести множество знатных пленников, обязавшись платить им ежегодную дань золотом. Продав таким образом честь империи варварам, он отправился в Рим, где его уже признали, – сенат в эти бурные времена не сопротивлялся власти сильнейшего.

Империя, добытая такими путями, как у Галла, требовала для сохранения деятельности и бдительности. Но Галл предался изнеженности, удовольствиям и беспечности, уделяя лишь немного внимания столице и пренебрегая остальной частью обширной монархии. Поэтому его правление известно почти исключительно бедствиями, постигшими империю: опустошениями варваров и особенно ужасной чумой, которая, начавшись в 250 году от Р.Х., усилилась в 252-м и свирепствовала еще десять лет.

Галл и Волузиан, которого отец сделал консулом и Августом, снискали некоторую признательность у римского народа, заботясь о погребении жертв болезни, включая самых низких. Но нет сведений, чтобы они думали о лечении или принимали меры для остановки заразы и предотвращения ее распространения.

Они занялись жертвоприношениями своим ложным богам, повелев совершать их по всей империи. Вероятно, это и вызвало гонения на христиан, которые, ревнуя о благе государства, не хотели кощунственными обрядами все более разгневывать истинного Бога, единственного Подателя благ и бедствий. Это гонение, бывшее продолжением дециева, увенчало мученическими венцами двух святых пап – Корнелия и Луция.

Чума весьма кстати помогла Галлу скрыть свои замыслы против Гостилиана. Он боялся, что имя Деция создаст юному принцу сильную поддержку и побудит войска соединить в его лице власть с титулом и почестями императорского достоинства. Поэтому он искал случая избавиться от опасного соперника. Заразная болезнь предоставила ему этот случай [1]. По-видимому, он велел отравить Гостилиана и распустил слух, что тот умер от чумы. Возможно, возвышение Волузиана до Августа последовало уже после смерти Гостилиана. Таким образом, сын Галла занял освободившееся место и воспользовался гибелью сына Деция.

Если верить Зосиму, варвары – скифы, бораны, бургунды [2], карпы – произвели не меньше опустошений, чем чума, во всех провинциях империи. Но, кажется, набеги, о которых он пишет, скорее относятся ко времени Валериана. К эпохе же Галла относится новое вторжение готов, которые – то ли из-за невыплаты обещанной дани, то ли по свойственной им беспокойности – перешли Дунай, опустошили Мезию, сжигая селения, убивая или уводя в плен жителей и накапливая огромную добычу.

Эмилиан, мавр по происхождению, очень низкого рода, и тем не менее, возможно, уже дважды бывший консулом [3], в то время командовал римскими войсками в Мезии. Этот полководец знал военное дело и, будучи честолюбивым, считал себя не менее достойным императорской власти, чем Галл. Он полагал, что ему оставалось лишь заслужить её каким-нибудь славным подвигом, и, заметив упадок духа в своих войсках, сумел воодушевить их не только доводами о долге и чести, но и обещанием обратить позорную дань, выплачиваемую варварам, в их собственную пользу. У него это получилось: солдаты, польщённые столь заманчивой перспективой, совершили чудеса. Они разбили готов в Мезии, преследовали их даже за Дунаем, на их собственной земле, где дали новое сражение, разгромили их армию и отбили всю добычу, унесённую из римской провинции. Победитель Эмилиан был провозглашён императором войсками. Он не стал терять времени, чтобы заявить о своих притязаниях, и поспешил в Италию.

Галл, устрашённый этим, отправил Валериана на Рейн, чтобы привести легионы из Галлии и Германии, а сам с имевшимися у него силами выступил навстречу врагу. Две армии встретились близ Интерамны [4] в Умбрии; войско Галла оказалось слишком слабым, к тому же солдаты нисколько не уважали своего вождя, потому разрешили спор, убив его вместе с сыном и добровольно перейдя на сторону Эмилиана.

Галл правил около двух лет, немного больше или меньше. Эмилиан был не первым, кто выступил против него. Некто М. Ауфидий Перперна Лициниан некоторое время назад принял титул Августа, но его неудачное предприятие было подавлено в зародыше.

Примечания:

[1] Зосим, с одной стороны, утверждает, что Галл лишил жизни Остилиана, а с другой – Аврелий Виктор свидетельствует, что Остилиан умер от чумы. Легко предположить, что один изложил события как они были на самом деле, а другой поверил ложному слуху, распущенному убийцей.

[2] Эти бургунды – не те, что основали Бургундское королевство в Галлии, но, без сомнения, они были ветвью того же народа.

[3] Встречается упоминание об Эмилиане как консуле в 224 году от Р. Х.; М. Эмилиан был консулом во второй раз в 249 году. Нет ничего, что мешало бы приписать эти два консульства Эмилиану, о котором идёт речь здесь.

[4] Терни.

§ IV. Эмилиан

С. ВОЛУЗИАН АВГУСТ II. – ... МАКСИМ. ОТ Р. Х. 253.

Г. или М. Юлий Эмилиан, которого мы называем просто Эмилианом, лишь мелькнул на исторической сцене, и его правление длилось не более четырех месяцев. Тем не менее, он должен быть причислен к императорам, поскольку был признан сенатом, который, хотя и объявил его первоначально врагом государства по требованию Галла, даровал ему все титулы императорской власти, увидев его победителем. Эмилиан постарался заручиться расположением сената, отправив письма сразу после своего избрания солдатами в Иллирии. В них он заявлял, что считает себя лишь наместником сената, которому оставляет всю полноту государственной власти, ограничиваясь командованием войсками. Он обещал восстановить мир в империи, освободив Фракию и соседние провинции от набегов варваров, а также выступить против персов, которые вновь начали тревожить Восток своими враждебными действиями. Можно предположить, что такая покорная речь, выражавшая столь благие намерения, уже произвела благоприятное впечатление на сенат, а успех окончательно склонил его в пользу Эмилиана.

Эмилиан сдержал слово, по крайней мере отчасти. В Риме он вел себя с большой скромностью и мягкостью; его манеры были совершенно народными, что даже было воспринято сол-

датами как унижение и забвение своего ранга. Возможно, в этой показной умеренности присутствовал и страх: ведь он не знал ни минуты покоя; и едва избавившись от Галла, он увидел нового, более грозного соперника в лице Валериана.

Этот сенатор давно занимал видное положение в Риме и пользовался огромной репутацией. Галл, как я уже говорил, поручил ему привести войска из Галлии и Германии для защиты от нападения Эмилиана. Валериан добросовестно выполнил поручение, но прежде чем он успел прибыть, тот, кому он служил, уже погиб. Весть о смерти Галла застала его в Реции; и армия, которой он командовал, видя перед собой человека с громким именем и презирая низкое происхождение Эмилиана, воспользовалась представившимся случаем создать нового императора и провозгласила Валериана Августом. Неизвестно, принимал ли сам Валериан какое-либо участие в решении солдат или оказывал им формальное сопротивление. Он был достаточно благоразумен, чтобы не слишком стремиться к власти, и достаточно искренен, чтобы без лицемерных колебаний принять выбор избравших его. Поэтому он повел их к Риму, но сражаться ему не пришлось.

Эмилиан разделил судьбу Галла. Его солдаты больше уважали вражеского вождя, чем собственного императора. К тому же они понимали неравенство сил. Поэтому они решили избавиться от Эмилиана и убили его у Сполето, куда он успел продвинуться. Валериан, одержавший победу без единого удара мечом и, возможно, даже не видевший лагеря противника, был единодушно признан во всей империи.

§ V. Валериан

ХРОНИКА ПРАВЛЕНИЯ ВАЛЕРИАНА.

С. Волузиан Август II – Максим. От основания Рима 1004. От Р. X. 253.

Валериан, провозглашенный императором солдатами, признан сенатом, который даровал его сыну Галлиену титул Цезаря; Валериан же присвоил ему титул Августа.

Р. Лициний Валериан II, Авгг. – Р. Лициний Галлиен, Авгг. От основания Рима 1005. От Р. X. 254.

Империя в то время подвергалась нападениям варваров со всех сторон.

Валериан отправляет своего сына Галлиена в Галлию, назначив ему в помощники и наставники Постума, а сам берет на себя защиту земель к востоку от Италии.

Некоторые относят к этому времени подвиг Аврелиана против франков, который мы упомянули в правлении Гордиана III.

Р. Лициний Валериан III, Авгг. – Р. Лициний Галлиен II, Авгг. От основания Рима 1006. От Р. X. 255.

В этом году мы встречаем Валериана Цезаря, который, по-видимому, был вторым сыном императора.

..... Максим. – Глабрион. От основания Рима 1007. От Р. X. 256.

Победа над германцами, за которую Галлиен принял титул Германика Максима. Эта победа могла быть одержана благодаря действиям Аврелиана, будущего императора.

Галлиен заключает договор с одним из германских князей, который обязуется препятствовать своим соплеменникам переходить Рейн.

Если рассказ Зонары о победе Галлиена под Миланом с десятью тысячами воинов над тремястами тысячами алеманнов содержит хоть долю правды, это событие можно отнести либо к данному времени, либо, что вероятнее, к первому году единоличного правления Галлиена.

Р. Лициний Валериан IV, Авгг. – Р. Лициний Галлиен III, Авгг. От основания Рима 1008. От Р. X. 257.

Валериан, первоначально благоволивший христианам, в этом году начинает их преследовать, подстрекаемый Макрианом. Это гонение, восьмое по счету, продолжалось до конца правления Валериана.

По его приказу ведется война против готов, опустошавших Иллирию и Фракию. Клавдий и Аврелиан, будущие императоры, отличились в этой войне. Пробы, тогда еще совсем юный, также стяжал славу, хоть и занимал невысокие должности.

Меммий Туск – Басс. От основания Рима 1009. От Р. Х. 258.

Валериан в Византии.

Аврелиан, усыновленный Ульпием Кринитом, был консулом вместе с ним часть этого года. Их консульство началось 2 мая.

Персы, подстрекаемые перебежчиком Кириадом, вторгаются в Месопотамию, захватывают Нисибис и Карры, проникают в Сирию и овладевают Антиохией, которую грабят и разрушают.

Кириад принимает титулы Цезаря и Августа. Набеги скифов-боранов, захвативших Трапезунд.

Мученичество папы св. Сикста, св. Лаврентия и св. Киприана.

Эмилиан – Басс. От основания Рима 1010. От Р. Х. 259.

Кириад погибает после года правления в Сирии.

Валериан в Антиохии. Он восстанавливает город.

Вифиния опустошена скифскими племенами. Валериан выступает против них, но к его прибытию в Каппадокию они уже отступили. Он возвращается в Антиохию.

Валериан, старший сын Галлиена, получает титул Цезаря.

..... Секуларис – Донат. От основания Рима 1011. От Р. Х. 260.

Валериан разбит Шапуром в Месопотамии и затем взят в плен во время переговоров с победителем.

Его пленение было долгим и сопровождалось величайшими унижениями.

ТИРАНЫ при Валериане.

КИРИАД в Сирии.

Ни один государь не всходил на трон с более блистательной репутацией, чем Валериан, и ни один не удостоивался столь искренних и единодушных похвал от всех сословий. Происходя из знатного рода, испытанный на гражданских и военных должностях, которые он исполнял с достоинством, он достиг высочайшего положения, доступного частному лицу. Будучи консуляром, занимая первое место среди сенаторов, посланник Гордианов, избранных императорами в Африке, к сенату, – ничто не делает ему большей чести, чем избрание его цензором.

Цензорская власть после установления императорского правления почти всегда соединялась с ней. Павел и Планк – последние частные лица, совместно исполнявшие эту должность за двадцать два года до Р.Х., когда Август уже прочно владел империей. Клавдий разделит титул и полномочия цензора с Вителлием. С тех пор императоры неизменно оставляли за собой эту должность, хотя обычно не принимали ее титула. Деций, по-видимому, из желания исправить нравы, решил доверить эту обязанность частному лицу, которое могло бы посвятить себя ей полностью, не отвлекаясь на другие дела; и он не побоялся изъять столь важную функцию из императорской власти. Находясь в Иллирии, занятый войной с готами, он написал сенату, приказав избрать цензора.

Как только претор, председательствовавший в собрании в отсутствие обоих Декциев – императоров и действующих консулов, – огласил полученные распоряжения, не потребовалось даже обсуждения: единодушное мнение сразу склонилось в пользу Валериана. Со всех сторон раздавались возгласы: «Жизнь Валериана – это непрерывная цензура; ему, лучшему из всех, подобает судить всех. Валериан с детства был достойным цензором по чистоте своего поведения: мудрый, скромный, исполненный достоинства сенатор, друг добрых, враг тиранов, борец

с пороками. Его мы хотим видеть цензором; ему мы хотим подражать. Более знаменитый своими заслугами, чем знатностью рода, он являет в себе чистоту нравов и высоту познаний. Это единственный в своем роде пример: он воскрешает в своей особе древнюю добродетель». Эти неоднократно повторяемые возгласы завершились объявлением всеобщего согласия. «Мы все того же мнения!» – воскликнули собравшиеся. Так был составлен сенатский декрет.

Валерьен в то время находился в армии. Как только Дек получил сенатское постановление, он немедленно вызвал его и в присутствии собранных первых лиц своего двора объявил ему о его избрании, одновременно подробно изложив всю полноту полномочий его должности:

– Валерьен, – сказал он, – вы имеете все основания радоваться тому, что удостоены такой чести по решению сената, или, вернее, того, что заслужили его полное уважение, привязанность и единодушное признание. Примите власть цензора, которую только вы способны достойно исполнять и которую Римская республика возлагает на вас в отношении всех своих членов, дабы вы судили об их поведении. Вы будете решать, кто достоин сохранить или приобрести звание сенатора; вы вернёте сословию всадников его прежний блеск; вы будете ведать государственными доходами и заключать договоры о них; военные подчинены вашему надзору; вы будете судить самих судей, чиновников нашего дворца, тех, кто занимает высшие должности в государстве. Одним словом, за исключением городского префекта, действующих консулов, царя жертвоприношений и первой весталки (при условии, что она сохраняет свою честь незапятнанной), все сословия и частные лица подлежат вашему осуждению. И даже те, кто освобождён от него, сочтут своим долгом угождать вам.

Валерьен, далёкий от ослепления столь блистательной честью, предложенной ему столь лестным образом, почувствовал лишь её бремя и стал отказываться от принятия.

– Великий и почтенный император, – сказал он, – не принуждайте меня взять на себя ношу, подобающую лишь вашему августейшему положению. Цензура – это императорская функция, которую частное лицо не может исполнять. Лично я особенно чувствую, что мне недостаёт и сил, и уверенности. Я даже не знаю, не противоречат ли этому обстоятельства: в том состоянии, в котором я вижу человеческий род, я не считаю его способным к исправлению.

Здесь наш автор оставляет нас, не сообщая [1], были ли приняты отговорки Валерьена или Дек принудил его принять цензуру. Ясно из последующих событий лишь то, что если даже Валерьен и стал цензором, он вряд ли мог широко применять свою власть. Дек погиб вскоре после этого, а строгая цензура была бы совершенно неуместна при Галле, который предавался изнеженности и бездействию.

Таким был Валерьен, когда он был возведён на престол. Сенат, народ, провинции с готовностью одобрили выбор солдат, и если бы каждому была дана свобода назвать императора, не нашлось бы никого, кто бы не отдал за него свой голос. Однако столь единодушно признанные достоинства оказались недостаточными для его высокого положения. Валерьен, блиставший на низших должностях, не смог удержаться на вершине власти, и к нему в полной мере можно применить слова Тацита [2] о Гальбе: он казался выше частного звания, пока оставался частным лицом, и все единогласно сочли бы его достойным императорской власти, если бы он никогда не был императором.

Если бы честности было достаточно для управления обширной монархией, Валерьен, без сомнения, стал бы великим государем. Он отличался простотой нравов, прямоотой, искренностью; он любил справедливость, избегал угнетения народа, охотно прислушивался к добрым советам и отдавал должное тем, от кого их получал. Он обладал даже весьма важным для государя качеством – умением ценить заслуги: и можно заметить, что многие из военачальников, которых он назначал на важные посты, либо сами становились императорами, либо, узурпировав верховную власть, правили так, что их можно было упрекнуть лишь в незаконности способов, какими они её достигли.

Всё это достойно всяческой похвалы, но искусство управления требует также талантов, которых Валерьену не доставало: широты взглядов, твёрдости духа, активности в исполнении, понимания глубин человеческого сердца и разумной осторожности против козней злодеев. Валерьен был человеком ограниченным, слабым, медлительным, доверчивым – и вследствие этих недостатков его правление стало чередой бедствий и завершилось самым позорным крахом.

Правда, империя находилась в плачевном состоянии, когда Валерьен взял бразды правления. Внутренние раздоры римлян, непрерывная смена императоров, падавших один за другим, оголённые границы из-за необходимости армиям утверждать в Риме своих избранных, заботы самих этих государей об укреплении своей власти и предотвращении (если бы это было возможно) мятежей – всё это вместе ослабляло государство и делало его лёгкой добычей для внешних врагов. Германцы угрожали на Рейне, готы, бургунды, карпы – на Дунае; другие скифские народы опустошали Азию; персы нападали на восточные провинции. Огромные размеры империи лишь умножали число войн и врагов. Впоследствии Клавдий II, Аврелиан, Проб одолели подобные, если не большие, трудности и опасности. Но превосходство их гения позволило им найти средства, которых слабый Валерьен не сумел ни открыть, ни применить.

Одновременно с признанием Валерьена сенатом его сын Галлиен, находившийся в Риме, был также объявлен Цезарем. Валерьен сделал его Августом, уравнивая в звании с собой своего восемнадцатилетнего сына, который, не будучи лишённым ума, обладал самым дурным и низким характером из упоминаемых в истории. Поскольку семья Валерьена была весьма многочисленна, я считаю, что для ясности последующего изложения стоит привести её схему.

Валерьен, именуемый в надписях P. Licinius Valerianus, был женат дважды. От первого брака у него был P. Licinius Gallienus, которого мы называем просто Галлиеном – имя, заимствованное у деда этого принца по матери, видного деятеля республики. Второй брак Валерьен заключил с Маринианой, известной лишь по монетам, свидетельствующим о её обожествлении. От Валерьена и Маринианы родились два сына, оба ставшие Августами: Валерьен Младший и Эгнаций [3]. У этих принцев были дети, не оставившие следа в истории. Галлиен женился на Салонине и имел от неё по крайней мере двух сыновей, носивших среди прочих имя Saloninus и оба удостоенных титула Цезаря. Мы называем одного Валерьеном, другого – Салонином.

Император Валерьен, видя, что его трон со всех сторон окружён врагами, принял меры, чтобы противостоять им. Он отправил своего сына Галлиена в Галлию для борьбы с германцами, а сам взялся изгнать скифские народы, опустошавшие Иллирию и Азию.

Галлиен был слишком молод для возложенной на него миссии. Но, хотя ему и не хватало чувства чести и добродетели, воинской отваги он был не лишён. Валерьен дал ему лишь звание и почёт генерала, а в наставники и советники приставил Постума, умелого воина, который впоследствии присвоил себе титул Августа и славно правил в Галлии. Валерьен думал поручить эту должность Аврелиану, будущему императору, но опасался его чрезмерной суровости.

– Мой сын, – написал он другу, удивившемуся предпочтению, отданному Постуму, – ещё очень молод, даже ребёнок. В его образе мыслей и поведении много легкомыслия. Я опасался, признаюсь, что Аврелиан, столь суровый, может быть к нему излишне строг.

Галлиен, управляемый Постумом, добился успехов против германцев. Эти германцы вполне могли быть франками [4], которые в начале своего существования часто обозначались более известным в то время именем. Некоторые ученые даже относят к рассматриваемому нами периоду победу, которую одержал над ними Аврелиан, тогда еще трибун, хотя мы сочли нужным отнести это событие ко времени Гордиана III. Более вероятно, что Аврелиан, названный в письме Валериана, посвященном ему, «восстановителем Галлий», при этом императоре уже достиг высокого звания; что он командовал под началом Галлиена и Постума значи-

тельным войском и отличился в этом качестве более блистательной победой, чем его первый подвиг. Монеты действительно свидетельствуют о победе над германцами, которая принесла Галлиену титул «Германик Максим» – «Величайший Победитель Германцев».

Чтобы обеспечить спокойствие Галлий, Галлиен сочетал переговоры с военной силой: после того как в нескольких сражениях была сломлена гордость германцев, он заключил союз с одним из их князей, который не только согласился не переходить Рейн, но и обязался удерживать от этого своих соплеменников.

Таково представление о том, что совершил Галлиен в Галлиях во время правления своего отца, или, точнее, что совершили Постум и Аврелиан от его имени. Согласно Зонаре, Галлиен прославился еще одним весьма блистательным военным подвигом в Италии. По словам этого автора, с десятью тысячами человек он разбил под Миланом триста тысяч алеманнов. Это трудно поверить, и то, что в этом рассказе может быть правдой, вероятно, следует отнести к более позднему времени.

Не менее ожесточенно война шла в Иллирии. Племена, жившие у Дуная, наводнили эту обширную область и учинили там ужасные опустошения. Валериан, перебравшийся в Византий, чтобы быть ближе к врагам, направил против них различных полководцев, среди которых наиболее выдающимися были Клавдий и Аврелиан – оба впоследствии императоры. Аврелиан в частности одержал крупную победу над готами и был вознагражден за это консульством.

Проб, также в будущем достигший императорской власти, был тогда слишком молод, чтобы командовать самостоятельно. Но он уже выделялся всеми прекрасными качествами благородной души и воинской доблестью. Валериан досрочно назначил его трибуном и не имел повода раскаиваться в этом. В битве против сарматов и квадов Проб проявил чудеса храбрости и заслужил гражданский венец, освободив из рук варваров Валерия Флакка – юношу знатного происхождения и родственника императора.

Когда Иллирия была таким образом защищена от набегов готов благодаря подвигам этих великих мужей, предстояло оказать помощь Малой Азии, которой угрожали полчища других варваров – скифских народов, среди которых особенно выделялись бораны. Сначала их набеги ощутили в районе Фасиса и Колхиды, куда они прибыли морем. У них не было собственных кораблей, но они получили их у жителей Боспора. Зосим отмечает, что пока малое Боспорское государство управлялось наследственными царями – друзьями и союзниками римлян, торговавшими с ними и получавшими от них дары, – эти правители препятствовали скифам вторгаться на земли империи. Но после пресечения царского рода, когда скипетр перешел в недостойные руки, новые правители, слабые и малодушные, испугались угроз скифов и не только позволили им пройти, но даже предоставили им корабли.

Бораны (именно этот скифский народ нас интересует), высадившись в Колхиде, отослали корабли и тут же рассыпались по всей равнинной стране, грабя и опустошая ее по-варварски. Затем они осмелились напасть даже на Питиунт [5] – укрепленный город, защищавший в этих краях границы империи. Управлявший городом Сукцессиан, храбрый военачальник, располагавший хорошими войсками, так встретил врагов, что сразу лишил их надежды на успех. Он разбил их и преследовал. Бораны, понеся большие потери, счел себя счастливыми, что смогли поспешно бежать на родину на кораблях, которые они захватили силой на побережье.

Жители Питиунта и всей округи считали себя полностью избавленными от угрозы. Но варвары, с которыми они имели дело, – беспокойные, алчные, не привязанные к родине, привыкшие кочевать без постоянного жилья, возя с собой все свое имущество и прельщавшиеся добычей, – не падали духом от неудач. Разбитые однажды, они возобновляли натиск. Именно этой тактикой, упорно и неуклонно применяемой, они в конце концов и разрушили Римскую империю.

Едва вернувшись домой, бораны стали готовиться к новому набегу. Они снова получили корабли от жителей Боспора и, прибыв к Фасису, сохранили их, чтобы обеспечить себе

отступление в случае нужды. Сначала они напали на храм Дианы, находившийся в этих краях, и на царский город Ээта, отца Медеи, столь известный в мифах. Отраженные с потерями, они не отчаялись и подступили к Питиунту. К несчастью, Сукцессиана там уже не было. Валериан, вынужденный противостоять персам, прибыл в Антиохию и вызвал к себе этого военачальника, назначив его префектом претория и желая воспользоваться его советами в ведении войны на Востоке. Питиунт был плохо защищен: бораны взяли его сходу, разграбили и, завладев кораблями в порту, увеличили свой флот. Затем они снова вышли в море и, продвигаясь вперед, приблизились к Трапезунду – мощному городу, обнесенному двойной стеной и имевшему гарнизон численностью более десяти тысяч человек.

Варвары, не имевшие никакого понятия о столь сложном искусстве осады, никогда бы не взяли этот город. Они даже не мечтали об этом, как говорит историк. Однако беспечность гарнизона доставила им успех, превзошедший как их ожидания, так и их силы. Римские солдаты и офицеры, уверенные в своем превосходстве и презиравшие неискренность врагов, несли службу небрежно, не принимали никаких мер предосторожности и думали только о развлечениях и пирах. Бораны, узнав об этой беспечности, ночью взобрались на стену и внезапно овладели Трапезундом. Гарнизон, столь же распущенный, сколь и плохо обученный, бежал через ворота, ведущие вглубь страны, и оставил жителей на милость победителей. Добыча была огромной. Город сам по себе был богат, а из всей округи в него, как в надежное убежище, свозили все ценное. Бораны воспользовались этим: разграбив и опустошив город, они распространили свои набеги и вглубь страны, как видно из канонического послания святого Григория Чудотворца, тогда епископа Неокесарии. Они унесли с собой богатства Понта, погрузили их на корабли и с триумфом вернулись домой.

Такой счастливый успех стал мощной приманкой для других скифских народов, соседей боранов. Эти народы, решив последовать столь полезному примеру, собрали сухопутное войско и флот. Для постройки кораблей, правила которой они не знали, они воспользовались помощью римлян, оказавшихся среди них – либо как пленные, либо привлеченные торговлей [6]. Что касается направления их похода, то, поскольку восточное побережье Понта уже было разграблено боранами и, следовательно, не сулило богатой добычи тем, кто пришел после них, упомянутые здесь скифы повернули на запад. В начале зимы они, вероятно, выступили из окрестностей Танаиса. Флот и сухопутные войска, двигаясь согласованно, шли вдоль всего западного побережья Эвксина. Можно предположить, что сухопутные силы перешли Дунай по льду, и именно для этого была выбрана зима как время отправления.

Достигнув Византия, они оставили этот город, показавшийся им, видимо, слишком укрепленным и, возможно, слишком хорошо охраняемым; однако они переправились через пролив – частично на своих кораблях, частично на лодках, собранных вдоль побережья, особенно в большом болоте неподалеку от Византия, – и, высадившись в Азии, захватили Халкидон. В этом городе гарнизон превосходил численностью нападавших, но ужас перед варварами был так велик, что римские солдаты позорно бежали, даже не увидев врага. Скифы вошли в Халкидон без сопротивления, и легкость победы, а также добыча, которую они там захватили, воодушевили их и усилили алчность.

Затем они двинулись к Никомедии, куда их звал предатель, названный Зосимом Хризогоном. Захват этого города не потребовал от них больше усилий, чем взятие Халкидона, и добыча была бы гораздо богаче, если бы жители, предупрежденные о приближении варваров, не бежали, унося с собой все, что смогли спасти из своих сокровищ. Тем не менее скифы нашли здесь достаточно, чтобы удовлетворить свою жадность, и, продолжая разбойничьи набеги, они разграбили также Никею, Кий и Прусу. Они хотели продвинуться дальше и дойти до Кизика, но внезапно разлившийся от дождей Риндак остановил их. Они повернули назад, сожгли Никомедию и Никею, которые сначала лишь разграбили, и, вернувшись к морю, погрузились на корабли и увезли всю добычу в свою страну.

Разорение такой провинции, как Вифиния, и столь многих значительных городов без того, чтобы варвары встретили на своем пути или при отступлении какие-либо римские войска, безусловно, не делает чести правлению Валериана и слишком ясно свидетельствует о нерадивости и медлительности, в которых его обвиняют историки. Этот император все еще находился в Антиохии. Он послал Феликса для защиты Византия, сам двинулся в путь и дошел до Каппадокии, где, узнав, по-видимому, об отступлении скифов, вернулся, не совершив ничего, кроме причинения множества неудобств и ущерба жителям земель, через которые проходил.

К набегам варваров, опустошавших лучшие провинции империи, добавилось еще одно бедствие – чума, которая уже несколько лет подряд свирепствовала в городах, деревнях и армиях. А чтобы довершить бедствия римлян, Валериан нашел позорный и трагический конец в войне с персами.

После побед, одержанных Гордианом III над персами, и мира, заключенного с ними Филиппом, между двумя империями не было открытой войны. Впрочем, это не значит, что Шапур строго соблюдал мир. Упоминается о возобновлении этим царем враждебных действий против римлян еще во времена Галла. Зонара сообщает о Тиридате, царе Армении, свергнутом тогда персами и собственными сыновьями, перешедшими на сторону врагов. Но именно при Валериане, с помощью предателя Кириада, Шапур сбросил маску и разжег войну с новой силой.

Кириад, сын отца того же имени, который, должно быть, был знатным сирийским вельможей, навлек на себя его гнев своим дурным поведением и безумной расточительностью, обокрал его, похитил большое количество золота и серебра и бежал на земли персов. Он явился ко двору Шапура и убедил его напасть на римлян, без сомнения указывая, насколько благоприятен момент для предъявления старых претензий к империи, которой сейчас правит слабый император, разоряемая со всех сторон варварами. У него самого были в этом деле свои интересы и расчеты, как покажет дальнейшее. Честолюбие Шапура сделало его восприимчивым к подобным предложениям. Он выступил в поход, возможно, воспользовавшись связями, которые Кириад сохранил на землях, подвластных Риму. Он вторгся в Месопотамию, захватил Нисибис и Карры, проник в Сирию и взял Антиохию врасплох.

Жители этого великого города меньше всего ожидали такого несчастья. Поглощенные любовью к удовольствиям и зрелищам, они в тот момент находились в театре, развлекаясь представлением мима и его жены, разыгрывавших для них фарс. Вдруг жена мима, обернувшись, воскликнула: «Или мне снится, или это персы!» Действительно, те уже ворвались в город, и им не составило труда захватить его, совершенно не готовый к обороне. Они разграбили Антиохию и ее окрестности.

После этого завоевания персы могли бы легко распространиться по Малой Азии и подчинить ее. Но их армия была отягощена огромной добычей, и они сочли разумным сначала увезти ее в свою страну.

Кириад, усугубивший все свои преступления отцеубийством, – предатель родины, убийца отца, – наконец, пожелал воспользоваться плодами своих злодеяний. Оставшись в Сирии, он присвоил себе титул Цезаря, а затем и Августа. Но этот блеск, купленный столькими ужасами, был недолгим. Пробыв у власти чуть более года, Кириад был убит своими же. Если допустить, что его имя должно быть заменено в тексте Аммиана Марцеллина на имя Мареада, которое близко по звучанию и, возможно, является искажением, то в таком случае сами персы могли покарать предателя, воспользовавшись его предательством. Марцеллин утверждает, что Мареад, гражданин Антиохии, впустивший их в город, был ими казнен через сожжение.

Кириад уже не было в живых, когда Валериан, вызванный на Восток войной с персами, прибыл в Антиохию. Его первой заботой стало восстановление этого города, который враги в значительной части разрушили: и, по-видимому, именно за это благодеяние на некоторых

медалях он удостоен титула – столь мало подходящего к его несчастной судьбе – «восстановителя Востока».

Валериан провел на Востоке весьма долгое время, и мы не можем сказать, чем он там занимался до своего последнего поражения. Все, что нам известно, сводится к восстановлению Антиохии, о котором мы только что упомянули, и к запоздалому движению, которое он предпринял, чтобы изгнать из Вифинии скифов, – но те покинули ее еще до его прибытия в Каппадокию.

Наконец, вынужденный идти на помощь Эдессе, осажденной Шапуром, и ободренный стойким сопротивлением гарнизона этого города, Валериан перешел Евфрат и вступил в Месопотамию. Он дал сражение, которое для него окончилось неудачно. Вину за это возлагают на предательство военачальника, которому император полностью доверял и который злоупотребил этим доверием, заманив его в такое место, где ни доблесть, ни строй римских войск не могли принести никакой пользы. Этим военачальником, без сомнения, был Макриан, о котором нам еще представится случай подробно поговорить.

Валериан, чья природная робость еще усилилась после поражения, отправил к Шапуру послов с просьбой о мире, будучи готов купить его большой суммой денег. Шаур, замысливший вероломство, отослал римских послов, заявив, что желает вести переговоры лично с императором. Валериан оказался настолько неосмотрительным, что отправился на встречу без надежной и сильной охраны, и персы, воспользовавшись его глупой доверчивостью, внезапно окружили его и взяли в плен. Вот что нам представляется наиболее правдоподобным и лучше всего подтвержденным касательно этого печального и позорного события, дату которого, следуя г-ну де Тилемону, мы относим к 260 году от Р. Х.

Всем известно, каким унижительным и ужасным обращением подвергался этот несчастный государь во время долгого плена. Его покрыли большим позором, чем самого низкого раба. Его надменный победитель повсюду таскал его за собой в оковах и в то же время облаченного в императорскую пурпуру, чей блеск лишь усугублял горечь его положения. А когда Шапур хотел сесть на коня, несчастный Валериан должен был наклоняться до земли, чтобы его наглый господин, поставив ногу ему на спину, использовал его как подставку. Часто к этому жестокому унижению варварский царь добавлял еще и оскорбительные слова, насмешливо замечая, что это и есть настоящий триумф, а не просто изображение триумфа, как у римлян.

Вершиной несчастий Валериана стало малодушное и преступное равнодушие неблагодарного сына, который, восседая на троне цезарей, оставил своего отца в столь плачевном состоянии, не предприняв ни малейшей попытки его спасти. Единственным знаком внимания, который Галлиен ему оказал, было причисление его к лику богов на основании ложного известия о его смерти. Причем замечают, что это было сделано против его воли и лишь для удовлетворения желания народа и сената, – он воздал отцу этот предписанный обычаем почести, столь же пустые сами по себе, сколь нелепые и неуместные в данных обстоятельствах.

Позор пленного императора не окончился с его жизнью. Он томился в этом ужасном рабстве по меньшей мере три года, а некоторые говорят, что до девяти. И когда он умер, Шапур приказал содрать с него кожу, выкрасить ее в красный цвет, набить изнутри соломой, чтобы сохранить человеческую форму, и в таком виде повесить в храме как вечный памятник позора римлян. А когда к нему прибывали послы из Рима, он показывал им это унижительное зрелище, чтобы они научились смирять свою гордыню.

Все христианские авторы рассматривали ужасную катастрофу Валериана как следствие Божественного возмездия за кровь праведников и святых, которую этот император, в остальном склонный к доброте, жестоко пролил.

Я говорю, что он был добр по характеру, и тому доказательством служат различные его письма, сохранные писателями «Истории Августов» в жизнеописаниях Макриана, Балисты, Клавдия II, Аврелиана и Проба. Везде мы видим государя, отдающего должное заслугам с пря-

мотой и чистосердечием. Порой в нем даже проявляются героические чувства, достойные древних времен Рима. Приведу лишь один пример, касающийся Аврелиана.

Речь шла о том, чтобы вознаградить заслуги этого воина, которые были велики, почетом консульства. Но консульство в то время требовало огромных расходов, особенно на игры, которые необходимо было давать народу, а Аврелиан был беден. По мнению Валериана, это обстоятельство не только не являлось препятствием к возвышению достойного человека за его личные качества, но, напротив, служило ему рекомендацией и новой заслугой. И в письме к Аврелиану, извещая его о назначении, он объявил, что казна возьмет на себя расходы, которые не могла покрыть его скромное состояние. «Ибо, – добавлял он, – те, кто, служа республике, остаются бедными, вполне достойны похвалы, и никто не заслуживает больше помощи от государства».

Валериан отправил по этому поводу свои распоряжения хранителю казны, и письмо начиналось такими прекрасными словами:

«Аврелиан, по причине своей бедности, которая делает его в наших глазах поистине великим и даже более великим, чем другие, не может нести расходы по консульству, на которое мы его назначили».

Затем император подробно расписывает все, что должно быть предоставлено для этой цели.

Аврелиан, не желавший приобретать состояние незаконными путями, достиг его честным способом, будучи в то же время усыновлен Ульпием Кринитом, богатым консулярием, не имевшим детей. А доброта Валериана была такова, что он принес Ульпию благодарность за это усыновление, как если бы оно было благодеянием, непосредственно его касающимся.

Христиане сразу же ощутили мягкость и доброту этого государя. «Ни один из его предшественников, – говорит святой Дионисий Александрийский, цитируемый Евсевием [7], – не проявлял к ним столько человечности и даже благорасположения». Весь императорский дворец был полон христиан и почти мог считаться церковью истинного Бога. Лишь постороннее влияние изменило его чувства по отношению к ним.

Макриан, человек низкого происхождения и безмерных амбиций, предававшийся магии и потому являвшийся злейшим врагом христиан, но при этом обладавший талантами как в управлении гражданскими делами, так и в военном деле, сумел завоевать доверие императора. Бедствия государства, одновременно опустошаемого чумой и набегами варваров, показали ему удобным случаем окончательно подчинить себе слабый дух [императора], подавленный горем и склонный к суевериям. Он научил его и заставил совершать магические жертвоприношения как верное средство отвести бедствия, которые их постигли; и тут же убедил его, что христиане, которые не почитают и даже хулят богов, чтимых всеми народами, и являются причиной общественных бедствий.

Отсюда началось восьмое гонение, устроенное по эдикту Валериана. Оно было всеобщим и крайне жестоким, особенно в отношении епископов и священников, хотя простых верующих щадили. В течение трех с половиной лет, пока оно длилось, то есть с 257 года от Р. Х. до пленения Валериана в 260 году, оно увенчало множество мучеников: в Риме – святого папу Сикста и святого Лаврентия, его диакона; в Карфагене – святого Киприана, а также многих других святых епископов во всех частях империи. Святой Дионисий Александрийский был лишь отправлен в изгнание, а после пленения Валериана персами вернулся в свою церковь.

Из истории этого гонения мы видим, что кладбища были местами, где христиане обычно собирались. По приказу императора их оттуда изгнали и лишили владения ими.

В то время как христианство преследовалось у римлян, оно распространялось среди варварских народов, воевавших с ними. Готы и другие скифские племена во время своих опустошительных набегов, как мы уже упоминали, на Иллирию, Фракию и различные провинции Азии, уводили множество пленников, среди которых оказались и святые священники. Эти зна-

менитые пленники, сияя своими добродетелями, проявляя терпение в страданиях и совершая чудеса по молитвам к Богу, сразу же внушили своим господам уважение к вере, которую исповедовали. От уважения к христианской религии варвары перешли к желанию принять ее. Они крестились толпами, но не все. Языческое суеверие еще долго оставалось среди них господствующим и даже дало Церкви новых мучеников.

Созомен, от которого мы получили это повествование, говорит, что германские народы по Рейну также начали тогда обращаться к христианской вере. Однако в нашей истории мы не находим следов христианства среди франков до обращения Хлодвиг.

Примечания:

[1] В начале сохранившегося фрагмента жизнеописания Валериана Требеллий Поллион называет его бывшим цензором. Однако неясно, принадлежат ли первые части этого фрагмента самому автору; кроме того, Требеллий не настолько точный писатель, чтобы придавать строгое значение используемым им терминам и понимать их буквально. Избрание Валериана в цензоры могло показаться ему достаточным основанием для такого наименования.

[2] ТАЦИТ, «История», I, 49.

[3] В вопросе о семье Валериана я следую мнению г-на де Тиллемона, хотя и знаю, что некоторые моменты остаются спорными. Дело настолько запутано и незначительно, что мне показалось лучшим решением придерживаться точки зрения этого столь учёного и точного автора, не берясь, однако, ручаться за её истинность.

[4] Зонара прямо утверждает, что Галлиен воевал с франками.

[5] Зосима, как будет видно из дальнейшего, определённо помещает город Питиунт ниже Фасиса, к югу от него. Страбон же упоминает Великий Питиунт к северу от той же реки. Либо Зосима ошибается (во что нетрудно поверить), либо следует различать, как это сделал Калларий на своей карте, два города Питиунта.

[6] В дошедшем до нас тексте Зосимы говорится «по причине бедности». Но с помощью небольшой поправки можно придать ему тот смысл, который я предпочёл как гораздо более подходящий. Вместо *κατ' ἀπορίαν* следует, по-моему, читать *κατ' ἐμπορίαν* («по торговой причине»).

[7] ЕВСЕВИЙ, «Церковная история», VII, 10.

§ VI. Галлиен

ХРОНИКА ПРАВЛЕНИЯ ГАЛЛИЕНА.

...СЕКУЛЯРИС. – ... ДОНАТ. 1011 г. от основания Рима. 260 г. от Р.Х.

Галлиен, после гибели своего отца, внезапно вступает в полное осуществление верховной власти.

Он покидает Галлию и отправляется в Италию, откуда туча скифов или готов была только что изгнана благодаря мудрым распоряжениям сената.

Он направляется в Иллирию, опустошаемую другой ордой скифов и сарматов, где Ингенуй, разбив последних, поднял мятеж.

При поддержке Авреола он разбивает Ингенуя в открытом сражении. Ингенуй погибает или кончает с собой. Галлиен жестоко мстит тем, кто поддерживал мятежника.

На Востоке Шапур пользуется своими преимуществами. Он вновь вторгается в Сирию, захватывает Антиохию, победоносно проходит через Каппадокию, Ликаонию и Киликию.

Римский полководец Баллиста отбрасывает Шапура и вынуждает его переправиться обратно за Евфрат.

Оденат, князь Пальмиры или вождь племени сарацин, преследует Шапура, гонит его с поражениями до его земель и осаждает царский город Ктесифон.

Макриан, при поддержке Баллисты, провозглашает себя императором вместе со своими двумя сыновьями – Макрианом Младшим и Квиетом. Вся Азия признает его власть.

В Галлии Постум, командовавший там, убивает Валериана Цезаря, сына Галлиена, оставленного отцом в Кёльне, и принимает пурпур. Он правит Галлией, Испанией и Британией в течение семи лет.

Галлиен объявляет Цезарем своего второго сына Салонина.

Он прекращает гонения на христиан, начатые его отцом по наущению Макриана.

В империи свирепствует чума.

ГАЛЛИЕН АВГУСТ IV. – ВОЛУЗИАН. 1012 г. от основания Рима. 261 г. от Р.Х.

Скифы вторгаются в Грецию. Для защиты афиняне восстанавливают свои стены, жители Пелопоннеса перекрывают перешеек стеной от моря до моря. Осада Фессалоники скифами.

Региллиан поднимает мятеж в Мезии, но вскоре погибает.

Макриан выступает со старшим сыном, чтобы утвердиться на Западе, оставив младшего сына Квиета с Баллистой на Востоке.

Валент и Пизон принимают пурпур в Греции, но погибают.

Оденат продолжает успешную войну против Шапура.

ГАЛЛИЕН АВГУСТ V. – ФАУСТИАН. 1013 г. от основания Рима. 262 г. от Р.Х.

Землетрясения в Риме, Африке и Азии.

Макриан переходит в Европу.

Скифы, опустошив Грецию, возвращаются в свои земли, возможно, разбитые Макрианом или другим римским полководцем.

Макриан, побежденный Авреолом в Иллирии, покинут армией и убит вместе с сыном.

Квиет, его второй сын, осажден в Эмесе Оденатом, вернувшимся из похода в Персию. Баллиста предает Квиета, убеждает гарнизон Эмесы убить его и выбросить тело за стены города. Оденат отступает. Баллиста провозглашает себя императором.

Галлиен ведет войну в Галлии против Постума с переменным успехом.

Эмилиан поднимает мятеж в Египте.

Набеги скифов или готов в Азию. Храм Дианы в Эфесе разграблен и сожжен.

...АЛЬБИН. – ...ДЕКСТЕР. 1014 г. от основания Рима. 263 г. от Р.Х.

Галлиен продолжает войну против Постума. Он одерживает над ним победу при поддержке Авреола. Но тот же Авреол мешает завершить войну, не преследуя Постума и давая ему возможность спастись.

Галлиен возвращается в Рим, празднует триумф над персами, побежденными Оденатом, отмечает празднествами десятую годовщину своего правления, которое он отсчитывал с момента получения от отца титула Августа.

Он отправляется во Фракию и жестоко мстит Византию, возможно, поддержавшему Макриана.

Тиран Сатурнин.

Эмилиан побежден Феодотом, пленен и отправлен в Рим, где Галлиен приказывает задушить его в тюрьме. К этой войне можно отнести осаду Брухия, большого квартала Александрии. Город, измученный мятежами, войной, чумой и голодом, сильно обезлюдел.

ГАЛЛИЕН АВГУСТ IV. – САТУРНИН. 1015 г. от основания Рима. 264 г. от Р.Х.

Галлиен награждает великие деяния и верность Одената, объявляя его Августом. Оденат разделяет этот титул с женой Зенобией и детьми.

Баллиста убит.

Галлиен возвращается в Галлию для новой войны с Постумом. Он ранен при осаде города.

ВАЛЕРИАН II. – ЛУЦИЛЛ. 1016 г. от основания Рима. 265 г. от Р.Х.

Валериан был братом Галлиена, а Луцилл – его родственником.

Франки совершают морские набеги на Испанию и Африку. Они грабят и опустошают Таррагону.

ГАЛЛИЕН АВГУСТ VII. – САБИНИЛЛ. 1017 г. от основания Рима. 266 г. от Р.Х.

Новый поход Одената против Шапура. Он осаждает Ктесифон и даже захватывает его, согласно свидетельству Синкелла.

Набеги герулов во Фракию, Азию и Грецию. Дексипп спасает родные Афины.

Другие варвары опустошают Галатию и Каппадокию.

ПАТЕРН. – АРКЕСИЛАЙ. 1018 г. от основания Рима. 267 г. от Р.Х.

Оденат, вернувшись из Персии, выступает против варваров, грабящих Каппадокию. Они не ждут его и отплывают на родину.

По возвращении в Эмесу Оденат убит вместе со старшим сыном Геродом. Зенобия, вероятно, не была невиновна в этом злодеянии. Убийца Меоний принимает титул Августа, но вскоре гибнет. Зенобия управляет Востоком от своего имени и имени сына.

Галлиен, одержав небольшую победу над герулами в Иллирии, заключает мир с ними и их вождем Навлобатом.

Готовясь к походу против готов, он узнает о мятеже Авреола, провозгласившего себя императором в Италии. Он спешит туда, оставив Клавдия и Марциана вести войну с готами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.